

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

**ПОБЕГ
НА РЫВОК**

Книга третья. АНГЕЛЫ ОЙКУМЕНЫ

Ойкумена

Генри Олди
Ангелы Ойкумены

«Автор»

2015

Олди Г. Л.

Ангелы Ойкумены / Г. Л. Олди — «Автор», 2015 — (Ойкумена)

Долг и любовь рвут на части Диего Пералю, учителя фехтования. Эскалона охвачена войной. Честь дворянина, правда солдата зовут маэстро домой, под знамена родины. Но во тьме космоса еще жива душа Энкарны де Кастельбро. Предложение, которое делают Пералю гематр Яффе и профессор Штильнер, похоже на дьявольский искус. Кто, кроме Господа, волен над жизнью и смертью? Ты будешь проклят, маэстро, что бы ты ни выбрал, ты будешь проклят! Встанешь ли с рапирой против ангела? «Ангелы Ойкумены», финальная книга романа Г. Л. Олди «Побег на рывок» – очередное погружение читателя в фантастические миры Ойкумены.

© Олди Г. Л., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Пролог	5
Часть 1	9
Глава первая	9
Глава вторая	31
Глава третья	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Генри Лайон Олди

Побег на рывок. Книга третья. Ангелы Ойкумены

Пролог

Король:

*Мы разрешаем сложные конфликты
Мы утешаем всякий вздох и всхлип,
В какую б ситуацию ни влип ты,
Мы лишь моргнем, и ты уже не влип!*

Народ:

*Король моргнул! В сиянии венца
Досмотрим же спектакль до конца!*

Луис Пераль, «Колесницы судьбы»

- Что это?
- Горох, – объяснила кухарка.
- Не ядра?
- Какие еще ядра?
- Допустим, мои.
- Вы похабник, сеньор. В аду черти вырвут вам язык.
- Хорошо, мои опадают. Пушечные годятся?

Жалкая пирамидка горошин и впрямь напоминала грудку ядер. Судя по количеству боеприпасов, артиллерии грозил скорый разгром.

– Нет, это не ядра, – в отличие от драматурга, чувство юмора кухарки не распространялось на пищу. – Ядра гораздо больше. Будь горох размером с пушечное ядро, я бы каждый день варила вам суп. Густой суп, сеньор. Вы помните, какой я варила гороховый суп с копченостями? С ржаными сухариками?

– Да, – вздохнул Луис Пераль. – Помню. Черт тебя дери, матушка Бланка! Из-за тебя я чуть не захлебнулся слюной. А это, наверное, перепелка?

- Цыпленок.
- Какой еще цыпленок?
- Последний. Я вырвала его на рынке у Хуана Альвареса. Вы знакомы с Альваресом? У него в дождь воды не допросишься. А я вырвала и унесла, и он ничего не мог со мной сделать.
- Ты мой герой, – кивнул драматург.
- Да. Я ваш герой, сеньор, а это цыпленок. Ешьте, пока не остыло.

Цыпленком гордо именовалась одинокая ножка. Даже не окорочок – раньше, в сытом прошлом, матушка Бланка звала такую ножку «пулочкой». Размеры ее и впрямь наводили на мысли о перепелке, жившей впроголодь и умершей от меланхолии.

– Э-э... – начал было Луис Пераль, но кухарка перебила его:

– Грудка на обед. Вторая ножка на ужин. Из остатков я сварила бульон. Вот он, в чашке, пейте.

Женщина простая, без образования, за годы жизни в доме знаменитого комедиографа матушка Бланка научилась перехватывать чужой монолог, что называется, на лету.

– Гузка? – предположил дон Луис. – Шейка? Спинка, наконец?

– Фарш. Жареный лук творит чудеса, сеньор.

– Фарш?

– Я напеку пирожков.

– Господь всемогущий! Пирожки?

– Мука еще есть. И два яйца. Вы будете кушать, или мне отдать эти лакомства собакам?!

– Буду, – Луис Пераль вздохнул. – Обязательно буду, но при одном условии. Если ты, матушка Бланка, поделишь со мной это изобилие гороха – и, разумеется, эту великанскую, эту умопомрачительную ножищу! В противном случае я умру с голода. А в предсмертной записке обвиню во всем тебя.

– Я сыта.

– Не ври мне!

– Я сыта, сеньор. И если вы еще раз откроете рот не для того, чтобы затолкать туда порцию гороха, я возьму расчет. Тогда вы уж точно помрете с пустым брюхом! И я спляшу качучу на ваших похоронах.

Угроза не была пустыми словами. Слуги покинули дом Пералья, разбежались кто куда в поисках скудного пропитания. Эскалона на осадном положении затянула пояс и положила зубы на полку. Продовольствие в город везли лишь самые отчаянные крестьяне, рискуя карманом, телегой, лошадьми, а нередко и головой. За риск они драли с горожан втридорога. Пожалуй, захоти el Monstruo de Naturaleza удержать беглецов, ему достаточно было заикнуться о том, и если не все, то часть слуг осталась бы верна драматургу. Они и сейчас тайком навещали матушку Бланку, делясь последним, помогая заполнить кладовку хоть чем-нибудь, пригодным в пищу. Кухарка же публично, на рыночной площади, заявила, что из дома ее золотого, ее драгоценного, ее неприспособленного к жизни сеньора она выйдет только на носилках, вперед ногами. «Не дождетесь!» – громом звучало в заявлении. Дочь матушки Бланки, девица трудолюбивая, но слабоумная, стояла рядом и одобрительно пускала слюни. Кухарка свалила на дочь всю уборку, остальное взяв себе: кухня, стирка, глажка, штопка, закупки, лекарства, надзор за расходами...

– Вот, – мелкими глоточками Луис Пераль опустошил чашку с бульоном. – Я хороший мальчик. Теперь ты любишь меня?

– Нет, – отрезала кухарка. Если бы скульпторам понадобилась модель для аллегии тирании, матушка Бланка подошла бы идеально. – Теперь горох.

– Хорошо.

Ядра для гномских пушчонок одно за другим исчезли во рту драматурга.

– Цыпленок!

– Это потребует времени...

– Ничего, я подожду.

Покончив с ножкой, драматург обгрыз мослы, раскусил кость и с аппетитом пиявки высосал все ничтожное содержимое, какое было внутри. Это и впрямь потребовало времени. Зубы у Пералья-старшего давно сократились в числе, а те, что остались, находились не в лучшей форме. Дон Луис собирался к дантисту в ларгитасский квартал, справедливо полагая, что врачи цивилизованной Ойкумены предпочтительней местных цирюльников – но, к сожалению, раньше не собрался, а сейчас, оскудев в средствах, решил, что лучше потратить деньги не на зубы, а на еду.

– Теперь вино.

– Это не вино!

– Это вино.

– Ты разбавила его втрое!

– Благодарите Бога, что у нас вообще остался запас...

За окном гроыхнули копыта. Топот, сперва еле слышный, надвигался, рос, ширился, стуком тысячи кастаньет вливался в улицу. Прихватив кубок, Луис Пераль вышел на балкон. Внизу, колонной по трое в ряд, двигались гусары Шестого полка. Закручивая усы винтом, подбоченясь, всадники глядели орлами. Золоченые шнуры, медвежьи шапки со шлыками и красными султанами. Ментики из рысьего меха, наброшенные на одно плечо. Горнист в лазурном мундире горячит злого жеребца. Вместо попоны под седлом – леопардовая шкура...

Враг, подумал дон Луис. Вот он, враг, в центре Эскалоны, в лабиринте узких улочек, как паук в паутине. Вот он, враг, и ведет себя по-хозяйски. Почему для меня это скорее выигрышная мизансцена, чем призыв к сопротивлению? Что со мной не так?

Словно прочтя его мысли, горнист задрал голову – и увидел человека на балконе.

– Виват!

Глотка у горниста удалась на славу, не хуже полковой трубы.

– Виват! – подхватили гусары. – Виват!

– Да здравствует Чудо Природы!

– Слава месье Пералю!

Вчера театр был забит кавалеристами маршала Прютона. Давали «Черную мантилью», комедию положений – скабрезную, лихо закрученную, на треть выстроенную из фривольных импровизаций. У военных пьеса имела неизменный успех. Защитники, захватчики – какая разница, если любой вояка хохотал, как резаный, над альковными интригами красотки Люции, над рогами ее злосчастного скряги-муженька, над подвигами усаха-лейтенанта Педро Гомеостазиса, которому в итоге доставались и прелести Люции, и наследство покойного рогача... Актеры много раз выходили на поклон, под гром оваций. Зрители требовали драматурга, но дон Луис, хотя и сидел в персональной ложе, отказался выйти на сцену. Протест? Демонстрация отношения к прютоновским рубакам? Не лги себе, вздохнул Пераль. Выход на сцену – ерунда, горсть крошек, брошенных голодной совестью. Ты ведь не отказался от гонорара? Матушка Бланка просто лучилась от счастья, когда ты принес деньги домой. Никто сейчас не дает в кредит, ни мясник, ни зеленщик, ни пекарь...

– Виват!

– Да здравствует месье Пераль!

Гусары ликовали, срывали шапки, махали человеку на балконе. Домашний халат, всклокоченная седая шевелюра, живот любителя застолий, подхваченный внизу поясом с кистями – гусары не видели ничего этого. На балконе стоял его величество Театр. Свои, подумал дон Луис. Чужие. Я не разбираюсь в военной форме. Вероятно, я бы не сразу отличил нашего гусара от пришлого. Шнуры, цвет мундиров... К черту шнуры! Дело в улице, в обезлюдевшей пустыне. Окна плотно зашторены, заперты на щеколды. Если кто-то и подглядывает в щелочку, то делает это украдкой. Балконы, не считая моего, служат насестом для голубей. Будь это наши, улица была бы забита народом. Прачки, кухарки, зеваки, мальчишки...

Он давил из себя ненависть, как сок из грозди винограда. Ничего не получалось. Разные мизансцены разных спектаклей, и все. Что со мной не так, опять подумал дон Луис. Почему я разучился ненавидеть?

В полночь драматургу прислали письмо с угрозами. Ультиматум подкинули под дверь; матушка Бланка вышла на стук, долго озиралась в поисках гостя – и наконец подняла письмо с тротуара. Некто требовал, чтобы Луис Пераль отменил все спектакли. Измена, писал некто. Пресмыкание перед врагом. Поведение, недостойное истинного патриота. В противном случае аноним угрожал Чуду Природы карами небесными, а главное, земными, и в самом скором времени. Перечень кар прилагался отдельно, на пяти страницах. Дон Луис трижды перечитал послание – третий раз вслух, тщательно артикулируя угрозы, – а потом сжег письмо на свечке. У него не было власти отменить спектакли. Репертуаром распоряжается дирекция театра, мнение драматурга бессильно перед аншлагом, перед билетами, раскупленными на неделю вперед.

Вряд ли сеньор аноним в курсе таких скучных нюансов. Да и то, куда приятнее, а главное, зрелищней отомстить предателю знаменитому, прославленному, которого в Эскалоне знает каждая собака, чем какому-то занюханному директору театра вкупе с билетерами и капельдинерами!

– Виват!

Поклонившись, дон Луис вернулся в столовую. Там ему довелось столкнуться еще с одной мизансценой, словно рожденной для театра – едва Пераль встал у стола, как в комнату вбежала дочь матушки Бланки с рамкой гиперсвязи в руках.

– Там!.. тут!.. Вот!

Рамка искрила по периметру, уведомляя о вызове.

– Дай сюда, – велел драматург.

Установив рамку между кувшином и тарелкой с цыплячьими костями, он по привычке коснулся зеленого сенсора: связь за счет принимающего абонента. Если это Диего, у парня никогда нет денег. У дона Луиса с деньгами тоже было туго, но он рассчитывал как-то выкрутиться. Банк откроет кредитную линию, под залог дома... Отказано, уведомил зуммер. Вызов уже оплачен. Пожав плечами, дон Луис повторно тронул зеленый сенсор. В рамке появилось изображение: на драматурга смотрел пожилой гематр.

– Добрый день, сеньор Пераль. Вряд ли вы помните меня...

– Отчего же? – драматург улыбнулся. – Я отлично вас помню, мар Яффе. Что с моим сыном? Он опять плохо вел себя на уроке?

В ответ мар Яффе рассмеялся. Шокирован видом смеющегося гематра, Луис Пераль отступил на шаг. Но острый взгляд, приученный к лицедейству, уже подмечал детали, а разум, искушенный театром, складывал мелочи в систему. Смех был *сделан* от начала до конца. Звук, мимика, дрожание ресниц – ни грана естественности. Наверное, все эти годы мар Яффе провел в школе актерского мастерства, делая значительные успехи. Раньше, исправился Пераль-старший. Не эти годы – раньше, много раньше.

Драматург трижды хлопнул в ладоши:

– Браво! Я потрясен!

– Я знал, – мар Яффе стал очень серьезен. Казалось, никакого смеха не было и в помине. – Я не сомневался, что вы оцените. Сеньор Пераль, ваш сын хочет сделать вам предложение, от которого трудно отказаться. Если вы согласитесь, знайте: я обеспечу все необходимое...

– Я – это кто? – напрямик спросил Пераль. – Учитель математики?

– Считайте, что я – это раса Гематр.

– В силе и славе? – не удержался драматург.

Он знал, что язык однажды погубит его.

– Именно так, – кивнул мар Яффе. – В силе и славе.

Часть 1

Сечень

Глава первая

Коллант, контакт и гроб на колесиках

I

Колесницы судьбы

(совсем недавно)

Вызов застал Марио в постели.

Разумеется, в постели Марио был не один. Он как раз намеревался разбудить пышку Рину (Пиру? Пирину? да ну ее к черту!), чтобы поиграть в собачек. Гребаный уником, казалось, прочел мысли хозяина и разразился громом фанфар. Нет, не вызов – сообщение, будь оно трижды неладно. Фанфарами озвучивались приветы из внешнего мира, которые игнорировать – себе дороже. Рыча и плюясь, Марио зашлепал к журнальному столику, где разорвался горластый вестник. Рина-Пира-Пирина и ухом не повела. Фанфары, сотрясение ложа любви, львиный рык – ничто не в силах было разбудить красавицу. «Это я ее заездил!» – активируя голосферу, Марио выпятил волосатую грудь и расправил плечи.

Получилось круто.

Сигнал от патрона пришел в виде рекламного спама. Дальше Марио Сонелли действовал по накатанной схеме, считай, рефлексивно. Конфидент-режим – нырнуть в вирт – побродить минут десять по новостным коридорам, полюбоваться рекламой бытовых антигравов – умеют, когда захотят! – и наконец скользнуть взглядом по облупленной стене частных объявлений. Время и место прятались в раздражающем мигании флуоресцентных строк. Шифр примитивный, но если не знать ключа – поди расколи! Заказав билет, Марио прикинул, что на рейс успевает с запасом, и вернулся к идее игры в собачек.

Рина-Пирина пылко отвечала домогательствам кавалера, хотя Марио подозревал, что она по-прежнему спит. Впрочем, это его не смутило.

* * *

- Пустой рейс?
- Без пассажира?
- Какого фага?!
- Гонорар тю-тю...
- Что мы забыли на Таммузе?
- Сказано: прибыть и ждать.
- Чего? Из черной дыры света?!

- Дальнейших распоряжений. Гостиница и питание – за счет Центра.
- И то хлеб...
- К хлебу маслица бы...
- Почему своим ходом? Раз без пассажира, проще каждому напрямую лететь. Рейсы на Таммуз отовсюду есть...
- Проще, но дольше. С учетом пересадок.
- А визы? Въездные отметки? Таммуз – не Кутха задрипанная. У вас, гематров, с этим строго.
- Визы у нас открыты. Въездные отметки Центр обещал организовать сразу по прибытии.
- Это ж какие концы у Центра? Такие вопросы одними деньгами не решаются.
- Еще как решаются!
- Только не у гематров.
- Не нравится мне это, коллеги.
- Порожняк? Никому не нравится!
- И спешим, как девка замуж. Нас, похоже, от кого-то спасают.
- Или прячут. Получить на Таммузе «левый въезд» – это не кот начихал...
- Вы совершенно правы. Отсюда три вывода. Первый: у Центра возникла проблема, связанная с коллантами, но не конкретно с нами. Вероятность – восемьдесят три и две десятых процента. Второй: нас выводят из-под удара. Вероятность – семьдесят девять процентов ровно. Третий: у Центра появился партнер с очень большими возможностями. Вероятность – шестьдесят семь и четыре десятых процента.
- А нам-то что теперь делать?
- Что велят. Если нас спасают, глупо этому мешать.

* * *

Если всматриваться в бездны космоса, что называется, невооруженным глазом, космос выглядит пустым. Хоть на обзорник пялься, хоть через древний иллюминатор, хоть сквозь поляризованный бронеплекс шлема. Да, колющие искорки звезд. Да, сияющие огни светил, что поближе. Рои светлячков – шаровые скопления; подсвеченные ими туманности... Но все это – неизмеримо далеко, за сотни и тысячи световых лет. А непосредственно вокруг тебя – пустота, которую господа литераторы, имеющие собачий нюх на особ королевской крови, именуют с большой буквы. Вот так: Пустота. Ей без разницы – убить тебя, свести с ума или пропустить, позволить беспрепятственно добраться до места назначения. Ты, дружок, пьешь кофе в баре круизного лайнера, и шансов на благополучное завершение полета – уйма, а все равно сосет под ложечкой от равнодушия ее величества Пустоты, и кофе встает поперек глотки.

«Природа не терпит пустоты,» – кто это сказал? «Человек не терпит равнодушия,» – кто сказал? Кто бы ни сказал, если мы с этим согласны, это наши собственные мысли. А если не согласны, то автор сентенций нам и вовсе без разницы.

Впрочем, космос кажется пустым лишь для убогого зрения белковых венцов творения. Стоит вооружить глаз мультдиапазонным волновым сканером, а еще лучше – выйти в большое тело колланта...

Марио обожал скользить на грани двух восприятий, находясь под *шелухой* и над ней одновременно. Реальности волнового тела и галлюцинативного комплекса не желали смешиваться, как вода и масло, но со временем Марио научился входить в «мерцающий режим», где эти реальности накладывались, проступали друг сквозь друга, меняясь местами. Зачем он это делал? Марио Сонелли никогда не задумывался о первопричинах. Спроси его кто-нибудь, боргосец лишь плечами пожал бы – или процитировал своего внезапно разбогатевшего зем-

ляка. «Во-первых, это красиво!» – ответил тот, когда у него поинтересовались, зачем он явился на прием к стоматологу в изумрудном смокинге и золотом «кис-кисе», усыпанном бриллиантами.

Семеро верховых и один бегун пересекали цветущую долину. Сочное разнотравье частиц и квантов колыхалось волнами под порывами солнечного ветра; цветы-метеоры в бескрайних гравитационных полях вспыхивали кармином и бирюзой; горные пики, вставшие по правую руку, расслаивались ореолами магнитных линий; над ними нависала облачная гряда газопылевой туманности, подсвеченной квазаром. Фигуры всадников, сотканые из света и соединенные паутиной серебристых нитей, переливались янтарем и перламутром. Копыта коней едва касались земли, что не была землей. Континуум Ойкумены гостеприимно распахнулся, и коллант неся в его немыслимую даль, оставляя за собой мерцающий инверсионный след из потревоженного пространства и времени.

След истончался и гас позади.

Тревоги и сомнения остались внизу, на покинутой планете, в сброшенном коконе малого тела. Невропаст Сонелли наслаждался полетом, скоростью и ни с чем не сравнимой свободой. Иницирующую сеть он поддерживал рефлекторно, как и координатор-помпилианец – основную. Это не требовало сознательных усилий, и Марио мог целиком отдаться созерцанию пейзажей. Горный хребет окутала рыжеватая дымка. Пронизана восходящими магнитными линиями, она переливалась всеми цветами радуги. Зрелище завораживало...

– Эй! Вы кто?!

Голос был женский.

Марио повернул голову – и едва не свалился с лошади. Рядом на белой кобыле ехала незнакомая девчонка. В космосе! В, мать его через три пульсара, колланте!! В чужом большом теле!!!

– Я?! Кто я?!

– Да, вы!

– Это ты кто такая?!!

– Да как ты смеешь, нахал?! Кто вы все такие?!!

Всадники, ехавшие впереди, придержали лошадей. В глазах у Сонелли потемнело: окружающий мир сошел с ума, завертелся мигающим калейдоскопом. Галлюцинативный комплекс и волновая реальность сменяли друг друга судорожными рывками, оставляя в сознании лишь гаснущие следы мгновенных статических слепков. Распялен в беззвучном крике рот координатора. Встает на дыбы огненный конь вехдена. Искажено ужасом лицо техноложца. Указующий перст прибудной шлюхи – слепящий поток белизны – устремлен в грудь вудуни. Пятится чей-то жеребец. Ухмыляется аслантин, вокруг яйцевидной головы – нимб: золото и пурпур...

– Что тут творится?!

– Откуда она взялась?!

– Я говорил! Говорил!..

– Кто вы такие?! Где мы?

– Успокойтесь! Успокойтесь, коллеги!..

– Где все?!

– Валим! Валим скорее!

– Диего! Куда вы дели Диего?!

Квантовые волосы Марио встали дыбом, и Господь прокляни Марио Сонелли, если это была метафора! Пространство между гематром и помпилианцем замерцало, потекло жидким стеклом. Из него выступила призрачная фигура: мрачный варвар верхом на ширококостном, мрачней хозяина, жеребце. Голову призрака венчала шляпа с пером. Шляпа, которой, судя по виду, давно пора было на помойку, выглядела вполне материальной и даже не слишком просвечивала. Шляпа – и еще длиннющая шпага у левого бедра. Все прочее осталось зыбким:

сквозь конного варвара без проблем просматривался вехден, судорожно разматывавший поясную веревку, и дальше, за ним – горы, дымящие лазурью и аквамарином.

– Диего!

Шлюха бросила кобылу вперед, чудом не выпав из дамского седла. Она намеревалась заключить варвара в объятия, но призрак растаял в воздухе вместе с конем, когда шлюхе осталась до него жалкая пара метров.

– Диего!

В вопле прозвучало такое отчаянье, что в Марио проснулась совесть. Шлюха – грязное, обидное слово... В следующую секунду невропаست Сонелли уловил, как опасно вибрируют нити ментальной паутины, связывавшей коллант. Страх? Да, страх, и он грозил перерасти в ужас, в панику. Марио поймал взгляд помпилианца. Слов не требовалось: все сейчас зависело от них двоих. Только координатор с невропастом в силах удержать сеть, погасить панические вибрации, не дать им войти в резонанс, разрывая в клочья нейроволновую структуру колланта.

– Коллеги, успокойтесь. Феномен уникальный, но я не вижу реальной опасности...

Гематр честно пытался помочь, но и он сбился, когда фигуры коллантариев замерцали, расслаиваясь и искажаясь. Казалось, коллантарии примеряют личины других людей. Не удержу, понял Марио. Еще чуть-чуть, и приехали. Титаническими усилиями он давил собственный страх, не давая лаве вырваться наружу, волной кислоты хлынуть в ментальную сеть, разъедавая и сжигая хрупкие связи...

Тут все и кончилось.

Коллантарии обрели свой обычный вид. Приблуда рассыпалась роем искрящихся мошек, унеслась прочь, влилась в дымку над горами. А там и дымка убралась, втянулась в ущелье, сгнула.

До Таммуза они мчались, как угорелые, прибыв на пять часов раньше расчетного срока.

– Центр?!

Марио оскалился в лицо координатору:

– Я сам ему позвоню!

Если кто-то думал, что финансовая мощь Луки Шармаля, владельца заводов, верфей, звездолетов, остановит Марио, желающего сказать банкиру пару ласковых – этот кто-то плохо знал боргосцев в целом, и Марио Сонелли в частности! Зря, что ли, в колланте Марио связь с Центром держал не гематр, как предлагалось вначале, а лично господин Сонелли, и горите вы все огнем!

– Уж я ему скажу! Я ему скажу!..

Кипя от гнева, Марио не отказал себе в удовольствии заказать видеосвязь через гипер за счет вызываемого абонента. Спецканал для форс-мажорных случаев? Отлично! Сейчас он оплывает денежный мешок сверху донизу – за его же, мешка, деньги! Видео через гипер – это вам не в пиццерию Фульчетти сходить! Будет знать в следующий раз...

II

– Если хоть пальцем, – прохрипел Диего. – Если они тронули ее хотя бы пальцем...

В кабинете профессора Штильнера стало тесно. За то время, пока банкир Лука Шармаль – с несвойственным ему многословием, не смущаясь дороговизной расходов на прямую гиперсвязь, поминутно вставляя в монолог один художественный образ за другим, что свидетельствовало о перевозбуждении, более того, об опасном напряжении психики – пересказывал мар Яффе историю колланта Марио Сонелли, пока он ставил в качестве демонстрации запись своей беседы со взбешенным Сонелли, в кабинете успели собраться все. Словно какой-то черт ухватил их за шкирки когтистыми пальцами и выволок из курительной – Диего Пералы,

Антон Пшедерецкого, Гиля Фриша... Яффе не мешал им слушать, напротив, сделал звук громче. Над сенсором, включающим конфидент-режим, Яффе задержал палец, выждал ровно две с половиной секунды – хоть по хронометру сверяй! – и убрал руку, так и не коснувшись сенсора. Смысл поведения алама истолковал бы и гематр, мастер логики, и распоследний варвар. Я доверяю вам, говорил Идан Яффе. Мое доверие имеет разумные пределы, но это доверие, а не суррогат. Я готов делиться всей информацией по интересующему нас вопросу. Вот, смотрите, я уже делюсь, ничего не требуя взамен. Оценили? И, на втором плане, доступном только гематрам или людям, проницательным от природы – я ничего не требую взамен, и само это уже является требованием ответных шагов навстречу. Вы хотите защиты Бюро? Мало стать полезным, мало даже стать незаменимым.

Надо стать своим.

– Хотя бы пальцем!.. они горько пожалеют...

Рамка погасла.

– Возьмите себя в руки!

Яффе прервал маэстро на середине угрозы, грозившей стать бесконечной. Резкость, с какой алам предложил Диего успокоиться, была насквозь искусственной. Яффе даже не попытался придать ей видимость натуральной. В этом крылось отдельное второе дно: искусственность окрика не вызвала в Перале ответного бешенства, зато сам факт одергивания напомнил отставному мастер-сержанту, кто здесь командует.

– Простите, – после долгой паузы сказал Диего Пераль. – Я приношу извинения за недостойное поведение. Я...

– Извинения приняты, – вновь перебил его Яффе, на этот раз с обычной бесстрастностью. Он знал, чего стоит гордецу публичное унижение, и не хотел продлевать эти муки сверх необходимого. – Я понимаю ваши чувства. Но если кто-то и пострадал в данном случае, так это коллант Сонелли. Еще немного, и они бы все погибли. Паника, разрыв связей, возвращение в малые тела. В отличие от колланта, Энкарне де Кастельбро никакая опасность не грозила. Это ведь была сеньорита де Кастельбро? Или мне следует называть ее сеньорой Пераль?

Вместо ответа Диего мотнул головой: нет, не следует. Это было так по-мальчишески, что дон Фернан еле слышно фыркнул – тоже, к слову, по-мальчишески. В иной ситуации рука маэстро уже потянулась бы к рапире, а взгляд, устремленный на обидчика, полыхнул бы огнем. Но сейчас оба задиры повели себя наилучшим образом: промолчали, отложили драку на потом. Казалось, строгий учитель держит класс в повиновении, не повышая голоса. И то правда, Яффе в свое время отлично справлялся с эскалонскими сорванцами, которых учил математике. С другими, более опасными сорванцами, которых мар Яффе учил наукам, о каких не знают даже на просвещенном Ларгитасе, он справлялся еще лучше.

– Я жду, – без нажима произнес алам.

Диего кивнул:

– Да, сеньор полковник.

Маэстро встал у окна, устремив взор на водохранилище. Ближе к берегу, там, где лед был крепок, дети катались на коньках. Дальше рыбачили любители зимней ловли, закаменев над лунками. Серое, синеватое, черные пятна. Пейзаж навевал уныние, но Диего любовался им так, словно не видел в жизни ничего прекраснее.

– Мы стартовали из Бухты Прощания. Прошу прощения, сеньор полковник, я начну с самого начала. Так мне будет проще...

Слово за словом, шаг за шагом. Диего Пераль шел по льду, едва намерзшему, хрупкому льду, грозившему обломиться в любой момент, увлечь путника в мертвую стынью. Он выстраивал историю Карни, живой и мертвой, и снова живой, как если бы от связности повествования зависело воскрешение. Это было трудно – маэстро отроду числился в скверных рассказчиках, и благодарил Создателя за то, что его не перебивали. Молчал Гиль Фриш, оставив попытки

дирижировать смыслами чужих реплик. Молчал дон Фернан, убрав за спину Антона Пшедерцкого, который тоже молчал. Мар Яффе слушал без комментариев. И – о чудо! – молчал профессор Штильнер. Лишь в глазах профессора мало-помалу разгорался огонек восторга, а может, безумия.

Никто не догадывался, что видит Диего во время своей исповеди. Лед? Рыбаков? Конькобежцев? Нет, он видел космос, похожий на степь, Марио Сонелли, которого не встречал никогда в жизни, членов колланта Сонелли – и до дрожи, до мурашек по хребту ревновал их к Карни. Глупо? – да. Беспочвенно? – о да! Но маэстро не мог избавиться от ощущения, что Карни изменила ему с другим коллантом. Черт побери, так и рехнуться недолго! Он цеплялся за нить повествования, выбирался из пучины ревности на поверхность, делал вдох – и все начиналось сначала.

Шаг за шагом, слово за словом.

Когда он замолчал, повисшая в кабинете пауза была прервана самым невероятным образом. Профессор Штильнер выбрался из-за стола, спотыкаясь, подошел к Диего и двумя руками взял его за грудки, сминая ткань колета.

– Господи боже ты мой...

Ошарашен таким своеобразным, а главное, лестным обращением, маэстро простил Штильнеру дурные манеры. Профессор напоминал слабоумного: он с ритмичностью механизма встряхивал Пераль, словно ждал, что в карманах эскалонца зазвенят монеты. Губы Адольфа Фридриховича тряслись, на подбородок стекла липкая струйка слюны.

– Боже ж ты мой...

Встряхивание наскучило Диего. Он положил ладони поверх кулаков Штильнера и крепко сжал пальцы, останавливая профессора.

– Это же контакт, голубчик! Вы меня понимаете?

– Нет, – ответил честный маэстро.

– Это контакт! Прямой контакт!

– Вы уверены? – спросил Яффе.

– Да! Тысячу раз да! Это не просто контакт! Это инициатива с той стороны!..

– Не плюйтесь, – попросил Диего.

– Это контакт! Она идет нам навстречу!

– Карни?

– Да какая Карни? При чем здесь ваша Карни?

– Я бы попросил...

– Кто она такая, эта Карни?!

Диего усилил хватку. Он чувствовал, как под его пальцами сминаются кулаки Штильнера, слышал, как похрустывают суставы, ощущал, как ногти впиваются в чужую кожу.

– Извините, – опомнился профессор. – Голубчик, простите меня, ради всего святого! Забылся, увлекся... Ну конечно же, Карни, в первую очередь Карни! Хватит, вы меня изувечите... Да, Карни, без нее никак! Это правда, клянусь! Я только сейчас понял, что без нее ничего не получится...

Освободившись, Штильнер с резвостью жеребенка отпрыгнул назад:

– Честное слово! Ваша драгоценная Карни – залог успеха! Господа, это контакт! Рой запомнил коллант в определенной конфигурации. Теперь он любой коллант с астланином пытается достроить до привычного варианта: два пассажира, Энкарна де Кастельбро и Диего Пераль. Этот вариант он считает естественным, здоровым; рой как бы лечит ущербные колланты, восстанавливает, намекая на сотрудничество. По Энкарне у роя максимум информации, по вам, сеньор Пераль – минимум. Я бы сказал, что Карни – орган контакта... Вы только не убивайте меня сразу, голубчик, я вам еще пригожусь!

– Он нам еще пригодится, – веско подтвердил мар Яффе. – Мар Фриш, эту партию вы выиграли. Бюро обеспечит вашему протексу полную и всестороннюю защиту. Вы добились своего, можете не переживать за сеньора Пералю.

Что за ерунда, изумился маэстро. При чем здесь Фриш? Что он выиграл?! Тебя, подсказал внутренний голос. И захихикал, довольный удачной шуткой. Тебя, дурачок, тебя, солдатик, те-те-те, бя-бя-бя...

– Я понимаю, – удивление, написанное на лице Диего, Яффе проигнорировал. Алам по-прежнему обращался к Фришу, и только к Фришу, как гематр к гематру, – что моего слова вам недостаточно. Вам нужны гарантии?

Гиль Фриш медленно кивнул.

– Хорошо. Я дам вам гарантии.

Яффе протянул руки к сенсорной панели, укрепленной под рамкой гиперсвязи. Пальцы его вспорхнули над сенсорами и упали стаяй на добычу, набирая сложную комбинацию. Диего эта комбинация не говорила ровным счетом ничего. Глянув на Пшедерецкого, а затем – на профессора, маэстро ясно увидел, что и для них, людей, искушенных в чудесах прогресса, плоть от плоти цивилизованной Ойкумены, многоступенчатые пассажи Яффе – тайна за семью печатями. Пшедерецкий хмурил брови, словно пытаясь отыскать систему в финтах умелого противника. Штильнер весь подался вперед, облизывая губы: похоже, он уже отыскал систему, и она выглядела бредом сумасшедшего.

Так или иначе, рамка откликнулась. В ней появилось плоское изображение, от которого у Диего голова пошла кругом, а к горлу подкатила тошнота. Хитро заверченный лабиринт в сине-зеленых тонах: спирали, круги, дуги, сверкающие точки, цифры, знаки... Он быстро отвернулся: не хватало еще сравнить под ноги честной компании. Мир замедлял вращение, желудок успокаивался. У стола тяжело дышали Пшедерецкий и Штильнер: им тоже досталось. Оба гематра наклонились над рамкой; судя по всему, ни Фриш, ни Яффе не испытывали ни малейших неудобств. Лабиринт вздрагивал, проворачивался, проваливался внутрь себя, вновь разворачивался панорамой...

– Хватит, – сказал мар Фриш. – Этого мне достаточно. Лучший мой прогноз составлял шестьдесят два процента от того, что вы обеспечили и подтвердили. Не хочу быть должником, мар алам. К рассказу сеньора Пералю я добавляю следующее...

Он перешел с унилингвы на язык, неизвестный Диего: гортанный, шелкающий, с множественством твердых согласных. Говоря, Фриш внимательно следил за реакцией Идана Яффе. Что он читал на этом каменном лице, бог весть, но, кажется, мар Фриш остался доволен результатом.

– Значит, пассажир после первого же вылета автоматически становится коллантарием? – с невинным видом переспросил Штильнер. Профессор напоминал кота, укравшего горшок сметаны: он сиял и лоснился. – И после этого способен оказать сопротивление помпилианцу, затеявшему клеймение? Как и любой другой коллантарий?! Сегодня день открытий, господа. В частности, вы открыли, что ваш покорный слуга недурно владеет *лашон-гематр*. Моя жена была гематрийкой, помните? Если вы хотели избавить скромного ученого от перенасыщения информацией, вы не преуспели.

– Мар Фриш, – Яффе по-прежнему вел диалог исключительно с сорасцем. Выпад профессора не достиг цели: если бывший учитель математики и логики и огорчился утечкой ценной информации, то он ничем не выдал своего огорчения, – я благодарен вам за предоставленные сведения. Вы позволите один вопрос личного характера?

Гиль Фриш очень ненатурально пожал плечами:

– Я знаю ваш вопрос, мар Яффе. Вы хотите спросить: понимаю ли я, к каким последствиям это может привести? Да, понимаю.

– Нет, мар Фриш. Я понимаю, что вы понимаете, и так далее. Меня интересует другое. Вы предоставили мне серьезнейший аргумент для торга с Великой Помпилией. Подчеркиваю,

для торга на самом высоком уровне. Я очень нуждаюсь в аргументах такого рода. И я не верю, что вы так поступили лишь оттого, что не хотите быть моим должником. Иначе мне придется усомниться в вашем умении считать...

Это оскорбление, сказал себе маэстро. Это смертельное оскорбление для гематра. Яффе ведет опасную игру. Фриш – союзник, без веской причины не следует испытывать его терпение.

– Итак, мар Фриш, вы дали мне то, в чем я нуждаюсь. Теперь мой вопрос: в чем нуждаетесь вы? Говорите, и получите.

Финальная реплика алама прозвучала по-царски.

– Мне нужен мой коллант, – без колебаний ответил Гиль Фриш. – Мой коллант в полном составе. Вам он нужен не меньше, но у нас разные мотивы. На фоне договоренностей с Великой Помпилией, в чем бы они ни выражались, возвращение Пробуса с Якатлем будет выглядеть мелочью, не заслуживающей внимания. Верните их, мар Яффе, и мы будем в расчете.

Фриш обернулся к маэстро:

– С вами, сеньор Пераль, мы уже в расчете.

– Жизнь за жизнь? – тихо спросил Диего.

– Жизнь за жизнь.

– А дальше?

– Если что, обращайтесь. Я всегда к вашим услугам...

Мар Фриш дергал лицом, словно страдая от нервного тика, корчил удивительные гримасы, краснел от напряжения. Господи, внезапно сообразил маэстро. Святой Господь! Он же хочет улыбнуться! Он хочет, у него не получается, но он ломится в эту стену, рискуя расшибить себе голову. И все из-за одной жалкой улыбки! А как бы выглядел я, пытаюсь в уме рассчитать маршрут туристического звездолета?

– Это делается так, – Яффе улыбнулся. – Я вас потом научу, мар Фриш. Извините, меня вызывают...

Поднеся коммуникатор к уху, как если бы разговор шел по древнему мобильному телефону, Яффе с минуту выслушивал доклад невидимого собеседника. Затем отдал краткие распоряжения – на том языке, который Штильнер назвал *лаион-гематр* – и прервал связь.

– Их вывозят, господа, – объявил алам. – Вывозят с Сечения на Октуберан.

– Кого? – вырвалось у профессора.

– Спурия Децима Пробуса и Якатля Течли. Помпилианцы уже выехали в космопорт.

Фриш оставил попытки справиться с улыбкой.

– Зря, – если бы он умел, он бы вздохнул. – Значит, все зря. Мы опоздали.

– Отчего же? – Яффе пожал плечами не в пример лучше, чем его сорасец. – Я уже отдал все необходимые распоряжения.

Диего ясно представил отряд боевиков. Люди в масках, верхом на злых лошадях – почему верхом?! – останавливают карету – почему карету?! – с помпилианцами и их пленниками. Стрельба в воздух, звенят шпаги, к горлу Пробуса приставили кинжал, Якатель блаженно ухмыляется, нырнув под днище кареты...

– Ничего подобного, – прервал Яффе фантазии маэстро. – Сеньор Пераль, ваша мимика чрезвычайно выразительна. Повторяю: никаких головорезов, налетов, криминала. Оставим все это для пьес вашего гениального отца. Я лишь велел сделать один анонимный звонок, и все.

III

На приборной панели мигал оранжевый индикатор. Ему вторил писк зуммера: автоматика аэромоба зафиксировала сигнал предупреждения. За триста метров до периметра космопорта всем транспортным средствам надлежало перейти в наземный режим.

Марк Тумидус не пошевелил и пальцем, только поморщился – зуммер действовал ему на нервы. Машина шла на автопилоте, биоэлектронный педант выполнял все предписания с точностью механизма, каковым и являлся. Снижаясь, моб за пару секунд до касания выпустил из днища три пары широких колес. На обзорнике заднего вида вторая машина в точности повторила маневр, опустившись на дорогу в двадцати метрах позади головного моба.

Дороги на Сечене – вечная соль анекдотов. Однако шоссе, ведущее к космопорту, являло собой приятное исключение: износостойкая фрикционка на нанополимерах, антиобледенитель, интерактивная разметка. За сто метров до пропускного пункта автопилот сбросил скорость, к полосатому шлагбауму моб подкатился, еле слышно шурша литыми шинами. У бело-синего «стакана» контрольного поста, на ступеньках, их уже ждал мордатый усач в чине участкового пристава. За спиной пристав топтались двое румяных от мороза городских. Мальчишки, отметил Марк. Почему на посту полиция, а не охрана космопорта? Он коснулся сенсора, и дверь моба с шипением скользнула в паз. В кабину ворвался порыв ветра, принесся с собой облачко снежной пыли. Пристав, весь обвешанный гаджетами – кобура с пистолетом, наручники, планшет, рация, под сумки, – двинулся к гостям. Городовые следовали за усачом, как на привязи.

– Следуете в космопорт?

К идиотским вопросам Марк привык.

– Да.

– Улетаете? Встречаете?

– Улетаю.

– Позвольте документики.

– Пожалуйста.

Марк активировал кристалл-паспорт с визовыми отметками. Делая шаг, чтобы взять кристалл, пристав держал другую руку на расстегнутой кобуре. Террористическая угроза? Повышенный уровень безопасности? В кобуре, между прочим, не пулевой антиквариат, а лучевик...

Хмурясь, пристав изучал паспорт. Время от времени он совал в голосферу мосластый палец, листая виртуальные страницы. Усачу хотелось к чему-нибудь придраться, но придраться было не к чему. Наконец пристав махнул рукой городовому – тот, как бес, торчал за левым плечом. Ангел за правым ждал своей очереди.

– Анисимов, зафиксируй данные.

– Слушаюсь, ваш-бродь!

Бес выхватил из поясной сумки планшет, со второй попытки подсоединил его к разъему кристалла и принялся неуклюже тыкать замерзшими пальцами в сенсоры, открывая протокол копирования. Ангел отчаянно косил глазом, следя за действиями напарника. «Один умеет писать, – вспомнил Марк остроуту, услышанную здесь, на Сечене, – другой умеет читать, а третьему приятно побыть в обществе образованных людей.»

Он не улыбнулся – даже в мыслях.

– Отбываете на яхте «Мизерабль», бортовой номер...

Пристав сверился с записью в бумажном блокноте.

– Совершенно верно.

– Летите один?

– Со мной летят двое моих друзей.

– Они здесь, с вами?

– Да.

– Документики?

– Никаких проблем.

Марк поднял заднюю дверь, и в проем высунулся жизнерадостный Пробус:

– Добрейшего денечка, офицер! Спурий Децим Пробус, к вашим услугам! Паспорт? Ну конечно же, паспорт! Айн минут, уже предъявляю...

Городовые ощутимо напряглись, когда Пробус представился. В душе Марка проснулась тревога. Усиленные меры безопасности? Бывает. И, тем не менее...

Второй паспорт усач чуть ли не обнюхал. Марков кристалл он, кстати, возвращать не спешил. В этом не было ничего необычного: полицейские любят демонстрировать власть по мелочам. Насчет документов Пробуса Марк не волновался. Паспорт и секторальная виза у коллантария в порядке, въездную отметку организовала здешняя резидентура.

– Кто у нас еще? Почему голый?!

Тузик одарил пристава белозубой ухмылкой.

– Какой же он голый, офицер! – встрял Пробус. – Видите: штаны, жилетка? Он у нас морозоустойчивый! Спортсмен! Якатль Течли, двойное гражданство: астланское и помпилианское...

– Немой?

– Ни в коем разе! Просто молчун. Якатль, паспорт!

Третий кристалл перешел в руки пристава.

– Спурий Децим Пробус и Якатль Течли! Вы едете с этим человеком по доброй воле и без принуждения?

Рука на кобуре. Подобрались бес с ангелом – тоже при оружии. Внутри сине-белого «станкана» наверняка есть еще люди...

– Разумеется, офицер! По доброй-предоброй, наидобрейшей воле! Никакого принуждения! Как вы могли подумать?! Да мы, считай, сами напросились! Мы с господином Тумидусом – давние друзья, не разлей вода! Он мне как сын! Согласился подкинуть в родные, так сказать, пенаты...

Болтовня Пробуса на пристава впечатления не произвела:

– Якатль Течли, я хочу услышать вас.

– Якатль! Ответь господину офицеру!

– Лечу, лечу! – закивал астланин. – Я люблю летать!

– Убедились?

– Поступил сигнал, – пристав огладил усы, мотнул головой, и городовые встали поближе к мобу. – Вас шантажируют. Вам угрожают. Вы не можете открыто заявить, что вас похитили и насильно вывозят с Сеченя.

– Чей сигнал?

– Поступил анонимный сигнал...

Судя по лицу пристава, анонимность сигнала лишь увеличивала доверие властей к неведомому сигнализатору.

– Нас? Похитили?!

– Поступил сигнал...

Все встало на свои места. Кто был этот бдительный аноним, Марк хорошо себе представлял; как минимум, расовую принадлежность анонима. Что ж, господа гематры, и мы умеем считать. Тут вам Сечень, тут другие расклады.

– Это шутка! Понимаете?

– Разберемся.

– Шутка, розыгрыш!..

– Выйдите из машины для досмотра...

Вот здесь, в самый удачный момент, и соизволил проснуться Катилина. Всю дорогу ягуар безмятежно дрых на пассажирском сиденье рядом с Марком. А сейчас привстал, сладко потянулся – и рыкнул на пристава: кто это имеет наглость распоряжаться?

Пристав неприятно удивил. С резвостью крупной кошки он отскочил от машины, разрывая дистанцию. Лучевик прыгнул из кобуры ему в руку гораздо быстрее, чем Марк мог рассчитывать.

- Эй, офицер! Все в порядке.
- Это ваше животное?
- Прошу вас, опустите оружие. Опасности нет.
- Ваше животное, говорю?!

Ларгитасский «Страж-компакт». Полис-модель с укороченным стволом. Для ближнего боя – грозная машинка. Марк представил последствия.

– Это мой ягуар, – он встал между приставом и Катилиной. – У него есть сертификат безопасности: провоз всеми видами транспорта, выгул в общественных местах. Предъявить?

- Почему без намордника?
- Я его полностью контролирую.
- Возьмите зверя на поводок и выходите из машины. Сначала вы, потом ваши пассажиры.
- Но у меня нет поводка!
- Почему?
- Не предусмотрен.
- Держите зверя при себе. Если что, стреляю без предупреждения. Выходите...

Марк подчинился. Катилина вел себя образцово: вышел, как король в зал для приемов, потерся о ноги хозяина, сел рядом, подобрав хвост. Пробусу с Якатлем пристав назначил стоять метрах в десяти от Тумидуса, разведя предполагаемого похитителя и его жертв. Деньги, подумал Марк. Деньги решают вопросы. Как бы половчее всучить приставу пачку купюр и закрыть скользкую тему с анонимным звонком? Гематрийские расчеты – тьфу и растереть против старой доброй взятки. Главное, на минутку остаться с приставом наедине. Взятка – дело интимное, свидетели не нужны. Обвинят в подкупе должностного лица при исполнении, и уладить вопрос встанет куда дороже.

- Эй, офицер! Почему стоим? Давайте, пропускайте...

Проклятье! Кто просил их вмешиваться?! Швабра с Веником выбрались из второй машины: размять ноги. Это бы еще ладно, но Веник решил проявить инициативу, ускорив процесс досмотра.

- Ждите своей очереди. Вместе летите?
- Не-а, – протянул Веник, запоздало осознав свою оплошность. – Мы никуда не летим. Груз на борт доставим – и обратно. Нам бы не опоздать...

- Какой борт? Что за груз? Документы!
- Из «стакана» объявилась троица полицейских с кургузыми автоматами на груди.
- Вы двое! Отойти от машины на три шага. Анисимов!
- Я!
- Проверить документы! Досмотреть груз!
- Слушаюсь, ваш-бродь!
- Вы двое – с ним...

Марк лишь скрипел зубами. Насколько все было бы проще, служи он по-прежнему в абордажной пехоте! Кладем дураков, валим к «Мизераблю». Коридор открыт – горячий старт, разгон на форсаже, уход в РПТ: ищи-свищи яхту в космосе!

- Увы, не вариант. Помечтал – и хватит.
- Ваш-бродь, у них гроб!
- Гроб?!
- А во гробе баба...
- Какая еще баба?!
- Мертвая...

– Это произвол! Вот медицинское заключение, свидетельство о смерти, разрешение на вывоз...

Беник осекся: в грудь ему уставился ствол автомата. По команде пристава автоматчики взяли на прицел всех, включая Пробуса и тузика.

– Итак, что мы имеем? – пристав загибал пальцы на свободной руке, не опуская лучевик. – Сигнал о похищении – раз. Хищник без намордника – два. Вывоз трупа – три... Я ничего не забыл?

Он явно ждал возражений, желая присовокупить к списку сопротивление полиции.

– Как скажете, офицер.

Взлет откладывался. Коридор, выделенный «Мизераблю», будет действовать еще полтора часа. Вряд ли за это время они сумеют вернуться в космопорт. Хотя... В участке появится возможность уединиться с приставом. Марк прикинул, сколько у него с собой наличных денег. Должно хватить. Значит, шанс улететь с Сеченя без открытия нового коридора еще остается.

– Следуйте за мной.

– В участок, офицер? Нет проблем.

IV

Колесницы судьбы

(совсем недавно)

– Она хорошо кушает?

– Appetit превосходный. Мы отбираем ей самых жирных крыс. Иногда балуем крысинными змейками. Она их очень любит.

– Лягушки?

– Ни в коем случае, только жабы. Слизь лягушки может забить ей трахею и затруднить дыхание. Наш рацион – самый полезный и самый питательный.

– Кожный яд жаб вас не смущает?

– Напротив, радует. Жабий яд обладает бактерицидными свойствами. Когда у нее был стоматит, мы посадили ее на искусственное кормление жабами. Она поправилась за три дня.

– Линька?

– По расписанию. Четыре-шесть раз в год, до десяти дней.

В одноэтажном здании, расположенном на окраине частного зоопарка Луки Шармалья, прятался кусочек джунглей. Пахло болотом, мокрой землей, прелыми листьями. Прохладный воздух был настолько влажен, что, казалось, его можно выкручивать, как мокрую тряпку. За бамбуковой рощицей – крохотной, похожей на сякконские карликовые пейзажи – подковой выгибался густой подлесок, мерцающий темным, перистым глянцем листьев папоротника. Кричали обезьяны: на слух запись ничем не отличалась от натуральных воплей. Журчал ручей, дробился на камешках, всхлипывал.

Никого из посетителей – сенаторов, президентов, шахиншахов, финансовых магнатов, членов Совета Лиги – сюда не пускали. Помимо служителя, скромного и молчаливого доктора зоологии, имеющего за спиной двадцать лет опыта работы в тропических лесах Пхальгуны, внутрь беспрепятственно могли войти двое: мар Шармаль, владелец зоопарка, и его внучка Джессика. Король? Президент? Вход воспрещен, и баста. Впрочем, люди, которым доступно все, не слишком-то интересовались зданием, которое принимали за служебное.

Чем там любоваться? Торопливым завтраком уборщиков? Мар Шармаль прекрасно знал, что запретный плод сладок, и рядил запретный плод в неказистую, битую гнилью кожицу.

Этот в высшей степени художественный образ банкир сконструировал сам, в три приема. Он сумел справиться с таким колоссальным трудом благодаря обитательнице псевдо-джунглей. Сложные ассоциации, объединяющие кожицу неказистую с кожей сброшенной, мар Шармаль вряд ли сумел бы описать даже языком высшей математики.

– Гнездо строит?

– Нерегулярно. Мы ее ни с кем не спариваем.

– А вдруг ей хочется?

– Поверьте, ей не хочется. В последний раз бедняга-кавалер едва спасся бегством. Гнездо – это дань инстинктам. Тащит листву, траву, сваливает в кучу, дает сгнить... Потом спит сверху. Если она захочет отложить яйца, уверен, она даст нам знать.

– Каким образом?

– Вы и представить не можете, как она изобретательна. Иногда мне кажется, что это она, а не я – доктор зоологии. Вы верите мне?

– Я верю тебе. Спасибо за хлопоты, Вьяса.

– Разве это хлопоты?

– Как твоя жена?

– Выздоровливает. Мар Шармаль оплатил не только операцию, но и весь реабилитационный период. Передайте вашему деду мои самые искренние благодарности. Я никогда не забуду того, что он для меня сделал.

– Передам, не беспокойся.

И Джессика Штильнер громко крикнула:

– Юдифь!

Тишина была ей ответом.

– Юдифь, девочка моя!

Журчал ручей. Кричали обезьяны.

– Юдифь, я знаю, что ты обижена. Мне не следовало оставлять тебя так надолго. Но ты же знаешь...

«Ш-ш-ш-ш!» – откликнулось эхо, а может, не эхо. Человек с тонким слухом уловил бы в шипении согласие – знаю, мол, не ори. А человек с тонким чутьем уловил бы еще и дополнительную нотку: но все равно обижаюсь.

– Ну хватит дуться! Выползай!

Выползала Юдифь долго. Трудно выползать быстро, если в тебе пять метров длины. Джессика отлично представляла, с какой стремительностью умеет двигаться эта хладнокровная стерва, если ей приспичит, и поэтому могла оценить степень демонстрируемой обиды. Зеленоватые, коричневые, кремовые пятна текли в траве, сливались, разъединялись, пока не собрались воедино: ее величество Юдифь, королевская кобра. Модифицированная еще в яйце, по методике, аналогичной модификации лигра Голиафа, гиганта мысли и царя зверей, Юдифь в отношениях с хозяйкой была куда изобретательней теплокровного хищника. Спектакли, устраиваемые этими двумя красавицами, с энтузиазмом смотрела бы публика Эскалоны, избалованная гением Луиса Пераля: «Она и она, или женская дружба».

Когда расстояние между змеей и Джессикой сократилось до почти интимного, Юдифь вознеслась над землей. Обычные кобры поднимают вверх до трети своего тела. В случае с Юдифью это составляло более полутора метров. Раздув капюшон, Юдифь слегка качнулась вперед-назад – и поднялась выше Джессики. Дочь профессора Штильнера не удивилась – она знала, что модификация позволяет Юдифи удерживать в воздухе чуть меньше половины собственной длины. Таким поведением кобра – телохранительница, чьими услугами пренебрегли – демонстрировала хозяйке свое физическое и моральное превосходство.

– Поцелуемся? – с невинным видом спросила Джессика.

Бросок кобр не слишком быстр. Есть змеи, в частности, гадюки, которые дают кобре фору в этом жизненно важном вопросе. Встретиться такая гадюка с Юдифью на состязаниях по броскам – она была бы сильно удивлена. Даже Джессика, отменная фехтовальщица, способная по стойке противника выстроить весь будущий поединок от начала до конца, ничего не смогла предсказать по стойке Юдифи и хоть как-то среагировать на внезапный бросок. Разинутая пасть в последний момент свернула с убийственной прямой, голова Юдифи мелькнула рядом с ухом хозяйки – и кобра, беззвучно сомкнув челюсти, обвила шею Джессики двойным кольцом и уложила голову девушке на плечо. Хвост змеи – собственно, Юдифь вся была сплошной хвост – продолжил вить кольца: вокруг правой голени, вокруг талии, подмышкой через плечо, равномерно распределяя вес телохранительницы на теле дочери профессора Штильнера.

– Мир! – Джессика почесала кобру под нижней челюстью. – Я тебя тоже люблю. Не волнуйся, мне удобно...

Бьяса Девагхана наблюдал за сценой примирения, не скрывая радости. Казалось, служитель присутствовал при воссоединении семьи. По смуглому лицу брамайна разбежались многочисленные морщинки: сеть, в которой запуталась улыбка.

– Вы, наверное, – бросила ему Джессика, – совсем замучились с Юдифью! Представляю, как она вас терроризировала! Ее капризы...

Бьяса стал серьезным:

– Благодарю за участие, госпожа Штильнер. Благодарю и вас, госпожа Юдифь. Нам, брамайнам, мучения на пользу.

Когда они вышли – а кое-кто даже выполз – из персонального серпентария, снаружи, у кустов цветущего тамариска, их ждал Давид. Рядом с юношей нервничал Голиаф: шумно нюхал воздух, фыркал, косил янтарным глазом. В зоопарке пахло несвободой, и это раздражало лигра. Судя по удивлению Джессики, она меньше всего ожидала встретить брата здесь. Кобра встала буквой «S», раздув капюшон, но никто, включая Голиафа, не беспокоился. Во-первых, Юдифь поднялась над землей на какой-то жалкий метр, что говорило скорее о любопытстве, чем о раздражении; во-вторых, все присутствующие прекрасно знали кодекс поведения королевых-модификанток. В смысле безопасности для окружающих – крысы и седло барашка не в счет! – Юдифь и Голиаф конкурировали с болонками и рыбками гуппи.

– Ты берешь Юдифь с собой в тур? – спросил Давид. – Это хорошо, дедушка будет рад. Ты молодец, что послушалась его...

Он перестал брить голову. Череп Давида успел покрыться густой щетиной, обещавшей вскоре превратиться в роскошные кудри. Странное дело! – сейчас он был больше похож на сестру, чем раньше, копируя Джессику в точности.

– Дедушка любит, когда вы с Юдифью вместе. Я ему перезвоню, расскажу. Ты собралась? Копуша, вечно ты опаздываешь...

Речь Давида замедлялась, грозя превратиться в невнятное бормотание. Молодой человек смотрел на сестру, словно впервые увидел. Строгость черт, упрямство, читаемое в осанке, желание сорваться с места, прописанное в каждом движении; за спиной – круглый, странной формы рюкзак, похожий на колесо с откидным клапаном без застежки... Узор складывался, и Давид уже знал ответ на свой вопрос:

– Ты что, не летишь в тур?

– Нет.

– Эксклюзив!

– Ну и ладно.

– Дедушка огорчится.

– Дедушка – гематр. Ему полезно огорчаться.

- Джес!
- Извини, Додик. Сегодня я не в духе. Давай как-нибудь в другой раз? Я тороплюсь, у меня три часа до рейса. А еще регистрация...
- Для принятия решения Давиду Штильнеру понадобилось полторы секунды.
- Хорошо, Джес. Идем, меня ждет мобиль.
- Ты проводишь меня?
- Нет.
- Тогда как же...
- Я не собираюсь провожать тебя, дура ты оглашенная! Я лечу вместе с тобой!
- Мы летим, мягким рыком напомнил Голиаф.
- Куда? – возмутилась Джессика.
- Туда!
- Куда это ты летишь, сам дурак?!
- А ты куда? На Сечень, ясное дело. Вероятность – с ума сойти!
- И Давид обеими руками взлохматил несуществующие волосы:
- Эксклюзив!

V

Катилину заперли в обезьяннике.

Названия клетки для задержанных ягуар знать не мог, но клетка привела его в ярость. Катилина рывкнул во всю глотку – так, что в участке загуляло мощное эхо, а пара городских аж присела от неожиданности. Подождав, не выпустят ли его после веского заявления о своих правах, ягуар забрался на нары и демонстративно отвернулся к стене. Марку, признаться, было стыдно перед Катилиной, но он ничего не мог поделать. В чужой монастырь со своим уставом не ходят, а в чужой полицейский участок – и подавно.

Обезьянник освободили к их приезду, выгнав взащей мелкую шушеру. Если разговор свернет не на ту кривую, задержанные составят ягуару компанию за решеткой. Хочешь выбраться с Сеченя, подумал Марк, не обострай.

– Красивая... – вздохнул лопухий городской.

Последнее убежище Эрлии Ульпии занесли в участок и водрузили на лавку. Сейчас городской заглядывал в криогроб через окошко.

– А она точно мертвая? – осведомился напарник.

Он тоже попытался глянуть в окошко – и зашипел сквозь зубы, стукнувшись лбами с лопухим.

– Спящая красавица! – хмыкнул автоматчик. – Целуй ее, балбес – оживет!

Не обострять, напомнил себе Марк. Он скинул куртку и расстегнул воротник рубашки – в участке стояла адская жара. Из стены выпирала печь, выложенная небесно-голубыми изразцами, но печь сегодня не топили. Зато всю кочегарили новенькие батареи парового отопления: массивные ребристые монстры из чугуна, неподъемные даже на вид. Ну да, гордость и последнее слово местной теплотехники. Хоть бы регулятор какой поставили...

Угореть можно!

Кабинет пристава был самым большим помещением в участке: метров десять на двенадцать, с высоченным беленым потолком. На пыльном окне с деревянной рамой – стальная решетка. Зеленая эмаль стен напомнила Марку операторские боксы в управлении СБ Помпилии. На этом сходство заканчивалось. Двухтумбовый стол, затянутый бордовым сукном, лампа, чернильный прибор темной бронзы, пресс-папье из мрамора. Кресло скрипучей кожи – для хозяина кабинета. Жесткие стулья – для посетителей. Терминал компьютера смотрелся среди этого антиквариата пришельцем из других миров.

- Откройте гроб.
- Зачем?
- Судмедэксперт проведет осмотр тела.
- Осмотр уже проводили. Есть официальное заключение.
- Предъявите.
- Вот, ознакомьтесь.

Марк вручил приставу чип с заключением. Вставив чип в разъем, пристав без особого интереса изучил данные, затем откинулся на спинку кресла.

- Нужна независимая экспертиза. Откройте гроб.

– Тело заморожено. Вы знаете, какая внутри температура? На разморозку уйдет до шести часов. От таких теплосмен разложение ускорится. Вы уверены, что это необходимо? Свяжитесь с патологоанатомом, который проводил осмотр. Он приедет и все подтвердит лично.

- Свяжемся, – кивнул пристав.

Звонить он не спешил, но и на вскрытии гроба больше не настаивал.

– Мне нужно сделать звонок, – Марк рискнул закрепить успех. – Предупредить, что задерживаюсь.

– Звоните, но только в моем присутствии. Никаких конфидент-режимов: я должен все видеть и слышать.

- Как скажете.

Под бдительными взглядами четырех пар глаз Марк набрал номер Криспа.

– У нас непредвиденная задержка. Меня подозревают в похищении – был анонимный звонок. Заодно проверяют документы на вывоз тела... Да, розыгрыш! Дурацкий розыгрыш. Нет, адвокат пока не нужен. Это недоразумение, я разберусь. До связи.

Марк не сомневался: Крисп все понял правильно и сейчас же свяжется с Октубераном. Пристав, в свою очередь, тоже правильно понял ключевую фразу «Я разберусь».

- Оставьте нас!

Городовые испарились с похвальной скоростью. Правда, они ухитрились столкнуться в дверях, с пытением вывалились в коридор, и лопоухий плотно закрыл дверь с той стороны. Пристав устался на Марка, предоставляя задержанному право первого хода. Марк еще раз осмотрелся: камер вроде бы нет. Да и откуда они в эдакой дыре?

Пристав едва заметно кивнул: все в порядке, можете говорить.

– Вы же понимаете, что похищение – злая шутка? Рано или поздно это выяснится, и нас придется отпустить.

- Допустим.

Не отпустим, отметил Марк. Допустим, и то хлеб.

- Документы в полном порядке: на покойную, на моего ягуара, на взлет...

- Продолжайте.

– Все упирается во время. Пока вы будете нас проверять, яхте закроют взлетный коридор. Я подам заявку на новый коридор, ее обработают... Время – деньги. Простой яхты в порту, перерасчет графиков... Почему бы нам не упростить друг другу жизнь?

И Марк потер большой палец указательным – жест, одинаково понятный на всех хоть сколько-нибудь цивилизованных планетах Ойкумены.

– Вижу, – пристав придвинул листок бумаги, – вы согласны сотрудничать. В свою очередь, я готов пойти вам навстречу. Вашу проблему можно решить примерно таким образом...

Он вывел на бумаге решение проблемы в виде ряда цифр – и подтолкнул листок к Марку. Однако, ахнул манипулярий Тумидус. У него и аппетиты! Столько наличных у Марка не было.

- Перечисление устроит?

Пристав улыбнулся: нет, не устроит.

- Тогда...

Жестом Марк попросил ручку, записал свой вариант решения проблемы – и лист вернулся к приставу. С минуту хозяин кабинета размышлял, оглаживая усы.

– А как насчет поездки к банковскому терминалу?

– Под конвоем?

Пристав тяжело вздохнул:

– Признаю ваши аргументы убедительными. Документы, розыгрыш, и вообще...

На столе, словно из цилиндра фокусника, возник пустой конверт. Дед был бы в восхищении, подумал Марк. Этому сукину сыну в цирке выступать! Он полез за деньгами, но тут из недр приставского мундира грянула пронзительная трель. Чертыхнувшись, усач извлек коммуникатор и махнул рукой: жди, мол. Торопливо включив конфидент-режим, он сунулся в сферу. Когда через пять минут сфера погасла, Марк понял: дело дрянь. Багровое лицо полицейского подтверждало дурные предчувствия.

– Мать его коромыслом через три звезды!

Марк не обиделся. Было ясно, что мать Марка Кая Тумидуса тут ни при чем.

– Пролетели мы с тобой, – пристав в бешенстве перешел с задержанным на «ты», – как ласточки над толчком! Вынь да положи ему «дело века»! Похищение, убийство, вывоз трупа, заговор инопланетников... Тьфу! Вот же болван стоеросовый! Славы ему, долбоклюю, захотелось! Ты в итоге отмажешься, этот хрен получит свое «дело века»: по башке дубовой от генерал-губернатора... Ни себе, ни людям, блин горелый! Одна радость: без меня ему вставят, гаденышу! Я что? Сигнал получил – задержали. Разобрались: сигнал не подтвердился. Хотели отпустить с извинениями, да вот приказ начальства... Куда ж нам супротив приказу? Так в рапорте и напишу!

Пристав ударил кулаком в ладонь:

– Вот же ж... Извини, парень, не спилось.

Выудив из ящика стола серебряную пепельницу, он чиркнул спичкой и поднес колеблющийся огонек к злополучному листку бумаги.

– Мне нужен адвокат, – сказал Марк.

– Звони, – кивнул пристав, весь в расстроенных чувствах. – Звони во все колокола. Мне что, я срать теперь на всё хотел...

VI

Пожалуй, комедиограф Луис Пераль, прежде чем оформить черновик благородными стихами, изобразил бы этот диалог так:

Сцена затемнена.

На авансцене – световой круг, в круге – судья. Мантия, парик, в руке – лист бумаги.

Судья (зачитывает вслух): Согласно судебного решения в отношении подозреваемого Марка Кая Тумидуса, гражданина Великой Помпилии, учитывая, что применение более мягкой меры пресечения невозможно, поскольку есть достаточные основания полагать, что подозреваемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, в качестве меры пресечения избирается домашний арест. Местом ареста, согласно ходатайству адвоката подозреваемого, избран отель «Жемчужина степей», расположенный по адресу ул. Вторая Лесная, 66, апартаменты класса люкс № 231, значащиеся в каталоге как «номер для молодоженов», где подозреваемому предписано находиться в частичной изоляции от общества, с возложением на него ограничений, указанных ниже, и осуществлением за ним контроля...

Где-то поблизости играют на оргáne. Прелюдия ми минор Ясао Мабуни известна широкой публике под авторским названием «В горах замерзаю, вспоминая друзей». Временами слышен звон колокольчиков.

Судья: Домашний арест в отношении Марка Кая Тумидуса, гражданина Великой Помпилии, избирается на срок до трех недель. Срок домашнего ареста исчисляется с момента вынесения судом соответствующего решения об избрании данной меры пресечения. В случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до трех недель, этот срок может быть продлен по решению суда в порядке, установленном статьей сто девять уголовно-процессуального кодекса Сеченя, с учетом особенностей, определенных настоящей статьей...

Прелюдия звучит громче. Это странно, если не знать, что напротив здания суда расположен храм Пяти Стихий, выстроенный на средства сякконской общины. В банке, принадлежащем общине, открыты депозитные счета губернатора и его семьи. Это дает сякконцам некоторые преимущества в отпращивании своих религиозных потребностей на Сечене.

Судья (с раздражением, перебивая музыку): С учетом данных о личности подозреваемого и фактических обстоятельствах при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения суд ограничивает:

- выход за пределы жилого помещения, в котором подозреваемый проживает;
- отправку и получение почтово-телеграфных отправлений;
- использование средств гиперсвязи и информационно-телекоммуникационной сети «Вирт».

В ходатайстве об освобождении под залог отказано... Да сходите же кто-нибудь в этот чертов храм! Пусть они заткнутся! Решительно невозможно работать...

Прожектор гаснет, фигура судьи растворяется в темноте. Оргán еще звучит секунд тридцать, затем смолкает и он. Пауза. В правом углу авансцены высвечивается второй круг, поменьше. В круге – Марк Тумидус. Он в штатском, но кажется, что на нем военная форма. Рядом – кресло, но Марк не садится.

По периметру задника бегут голубые вспышки. Задник превращается в колоссальную рамку гиперсвязи. В рамке – лицо старой женщины. Это госпожа Зеро, глава службы имперской безопасности. В сравнении с Марком ее лицо огромно. Размеры лишь подчеркивают глубокую старость: морщины, складки, пигментные пятна. Макияжем госпожа Зеро пренебрегает. Впрочем, по ней хорошо видно, что старость не значит дряхлость.

Тот факт, что Марк, которого за глаза зовут любимчиком Главной Суки, стоит спиной к высокому начальству, госпожу Зеро несколько не смущает. Она прекрасно знает, что главное – смотреть на зрителя.

Марк: На связи манипулярий Тумидус. Докладываю: заключен под домашний арест. Похищение, убийство, вывоз трупа. Дня три, максимум, четыре, и меня освободят. Это не обвинение, это карточный домик. Дунь, и рассыплется.

Госпожа Зеро: Не геройствуй.

Марк (мрачно): Так точно!

Госпожа Зеро: Сиди и помалкивай. Чем больше ты молчишь, тем быстрее тебя выпустят. Номер для молодоженов? Вызови проститутку.

Марк: Я не хочу проститутку.

Госпожа Зеро: Твоего мнения никто не спрашивает. Проститутка – это естественно для молодого человека, запертого в отеле. Ты невиновен, тебе скучно, ты развлекаешься.

Вызови проститутку, зачитай ей устав. Займитесь строевой подготовкой, наконец! Никто тебя не заставляет...

Марк (мрачно): Так точно!

Госпожа Зеро: Закажи спиртного. Деликатесов! Что у них там из деликатесов?

Марк: Икра. Осетровая. Я не люблю икру.

Госпожа Зеро: Икру обязательно. Потом спустишь в унитаз. Денег не жалея! Ты – богатенький дуралей, щенок-мажор. Ты гуляешь, тебе плевать на их обвинения. Ты ничего не боишься. И еще: суд запретил тебе пользоваться гиперсвязью.

Марк: Мы говорим по спецканалу. Местный хлам неспособен...

Госпожа Зеро: Суд запретил, и хватит. Ты законопослушен, понял? Ты так законопослушен, что меня тошнит от твоей честности. Все, конец связи. Вызывать меня разрешаю только в случае форс-мажора или появления новой информации по объекту.

Марк (мрачно): Разрешите задать вопрос?

Госпожа Зеро: Ты не в армии, волчонок. Как надо обращаться к пожилой женщине по-человечески?

Марк: Давно хотел спросить у вас...

Госпожа Зеро: Вот-вот, молодец. Спрашивай.

Марк: Почему ваша яхта называется «Мизерабль»?

Госпожа Зеро: Тебе не нравится?

Марк: Как-то неловко летать на «Ничтожестве». Диспетчеры хихикают...

Госпожа Зеро: Во-первых, не на «Ничтожестве», а на «Живущем-из-Милости». Во-вторых, я – Зеро, и мне по душе слово «мизерабль». В-третьих, такое у меня чувство юмора, и тебе его не понять.

Марк: Почему?

Госпожа Зеро: Потому что у тебя вообще нет чувства юмора. В смысле юмора ты – полный мизерабль. Так и передай своему великолепному деду. Вот уж у кого чувство юмора было – обалдеть! Мы сутки напролет из постели не вылезали... Что-то еще?

Марк (мрачно): У Катилины понос.

Госпожа Зеро: Сочувствую. Я держала кота, я помню, что за гадость – кошачий понос.

Марк: А теперь представьте кота в десять раз больше вашего...

Госпожа Зеро: Я повышу тебе оклад. Конец связи.

А в стихах это было бы вообще великолепно.

Но увы, не ко всякому диалогу прилагается гений битого палками Луиса Пералы...

Контрапункт

из пьесы Луиса Пералы «Колесницы судьбы»

1-й академик:

Я весь от нетерпения горю!

2-й академик:

А я уже сгорел!

3-й академик:

А я сгораю!

4-й академик:

А я от любопытства умираю!

5-й академик:

А я, считай, что умер!
К декабрю
Я должен сдать о нем сто тысяч знаков
Про жизнь замечательных людей!

1-й академик:

Ваш гений, что ни месяц, одинаков:
Сто тысяч знаков, круглый ноль идей
И гонорар на банковском счету!
Я презираю жалкую тщету
Вас, о популизаторы науки!
Вы лижете...

5-й академик:

Мы лижем? Что же?!

1-й академик:
(опомнившись)

Руки!
Издательские руки языком
Вылизываете и так, и этак,
Вам наплевать на творчество поэта,
Но если кто со сплетнями знаком
И гения полощет, будто прачка...

2-й академик:

Скандал!

3-й академик:

Скандал!

4-й академик:

А будет драка?

2-й академик:

Драчка!

6-й академик:

Поэт на гиперсвязи! Господа!
Бюджет наш мал, а гипер очень дорог!
Желаете транслировать раздоры?
Моча в мозги шибает? Желчь течет?
Так не хрен гавкать за казенный счет!

Все потрясенно умолкают.

В рамке гиперсвязи появляется Федерико.

Федерико:

Почтенные сеньоры! Ваш звонок
Меня едва не сбил, простите, с ног –
Такие люди, светочи ума...
Да вспыхнет свет, да расточится тьма,
Да снизойдет к вам благодать долгих дней,
Как вы, сеньоры, снизошли ко мне!

Академики:

(хором)

Вот это слог! Вот это лицедей!
Вот жизнь замечательных людей!
Как он изыскан! Как он умудрён!

5-й академик:

(в сторону)

Сто тысяч знаков? Дудки! Миллион!

1-й академик:

Мы вас, сеньор, хотели бы спросить...

2-й академик:

Мы на Хиззац хотим вас пригласить...

3-й академик:

Курс лекций, семинары, а ещё...

4-й академик:

И все расходы – за казенный счет!
Вас жаждет видеть университет!

Федерико:

Все это крайне лестно, спору нет,
И я уже готов читать вам курс,
Плюс семинар на самый тонкий вкус,
Плюс все, что захотите, в полный рост,
Но есть один финансовый вопрос...

Академики:
(хором)

Финансовый? Вопрос? Один?!

Федерико:

Вот-вот!
Оплатите ли вы командос взвод?

Академики:
(хором)

Командос? Взвод?!

Федерико:

А лучше два иль три!
Я в доме, понимаете, внутри
Сижусь, и за порог – ни-ни, никак!
Меня снаружи ждет отряд вояк,
И если я хоть в двери, хоть в окно,
Они меня прикончат все равно,
И без командос мне не по плечу
К вам вылететь. Ей-ей, не долечу
Без таски, без увечий, без плетей...

5-й академик:
(изумленно)

Вот жизнь замечательных людей!

Глава вторая

Двое аналитиков и бак с плесенью

I

– Зачем? – в третий раз спросил Крисп Вибий.

Головоломка не складывалась. Трехмерная конструкция, точь-в-точь молекула ДНК монстра-модификанта, издевательски меняла цвет. Каждую минуту она норовила свернуться кукишем, несмотря на все старания Криспа. Ребус, который унтер-центурион Вибий параллельно решал в уме, вел себя еще хуже. Обычно вирт-тренажер помогал Криспу собраться с мыслями, но сейчас испытанное средство дало сбой.

Все, что можно было сделать, он сделал. После звонка Тумидуса связался по гиперу с Октубераном и изложил ситуацию. Инструкций не последовало, если не считать инструкцией приказ «ничего самостоятельно не предпринимать, при любом изменении ситуации докладывать без промедления». Крисп вздохнул: увы, начальство право. Манипулярий Тумидус будет выпутываться своими силами, не привлекая посторонних, и любая самодеятельность все только испортит. На всякий случай он отыскал адреса лучших адвокатов-помпилианцев, имеющих практику на Сечене, и вбил их контакты в коммуникатор.

Оставалось грызть ногти и размышлять.

Первичный анализ ситуации принес мало пользы. Выкрыв Пробуса, имперская СБ прищемила хвост гематрийским коллегам, и те сделали ответный ход. Анонимный звонок о похищении – их работа. Реального компромата у гематров нет, это они просчитали вдоль и поперек. Пробус заявит – уже заявил! – что летит на Октуберан добровольно. На тело Эрлии оформлены все необходимые документы. В итоге полиция рано или поздно отпустит задержанных, и гематрам не удастся вернуть таким способом координатора колланта. Значит, подобная цель и не ставилась. Гематры хотят выиграть время, задержав отлет «Мизерабля».

– Зачем?! – прозвучало в четвертый раз.

Силовой захват? Маловероятно. Пока полиция будет проверять анонимку – состряпать и предъявить более доказательное обвинение? Вроде бы, теплее. Но чувствительная задница Криспа криком кричала: мимо. Собираются вступить в переговоры? Начать торговлю? Если так, у гематров имеется козырь, припрятанный в рукаве, и не вполне понятный интерес. К чему мешать вывозу с планеты засветившегося коллантия? Всю важную информацию из пленника наверняка уже выкачали... Неужели гематры ведут сложную игру, в которой мелкий жулик Пробус – разменная монета?

Приманка?!

Варианты громоздились штабелями, но среди них не было единственного, главного, который расставил бы фрагменты головоломки по местам. Не было и ответа на вопрос: какие контрмеры предпринять? Крисп физически ощущал, как вокруг стягивается липкая паутина. Время шло, противник воплощал в жизнь план, неведомый унтер-центуриону, а Крисп не мог ни помешать, ни хотя бы уяснить, в чем этот план заключается.

«Слишком много неизвестных факторов,» – сказал бы на его месте гематр.

От трели уникома он едва не подпрыгнул. В сфере возникло бледное лицо диспетчера с проходной медцентра. Еще до того, как диспетчер успел открыть рот, Крисп Сабин Вибий понял: началось. Паутина сплетена, гематры перешли к действиям.

– Тут посетитель...

– Что за посетитель?

- Гематр. Насчет *той* пациентки...
- Имя!
- Он не представился. Кажется, это в вашей компетенции...
- Иду.

Выходя в коридор, Крисп впервые после вылета с Октуберана пожалел, что не взял с собой форму. Потом вспомнил, в каком он звании, и сожаление испарилось.

* * *

- Идан Яффе, бюро научных связей «Каф-Малах».

Полковник, оценил Крисп, взглянув на пожилого гематра в длиннополом пальто. Верхняя одежда гостя была расстегнута с нарочитой небрежностью, какая приходит с годами и опытом.

- Крисп Сабин Вибий.

– В центр поступила женщина вашей расы в тяжелом состоянии, с обширным инсультом. Симптомы сходны с последствиями дуэли на клеймах между вашими соотечественниками. В связи с этим у вас возник ряд вопросов. У меня есть ответы на некоторые из них. Мы продолжим беседу здесь или пройдем в кабинет?

Яффе замолчал, показывая, что передает инициативу собеседнику. Диспетчер за прозрачной перегородкой занимался своими делами, старательно делая вид, что происходящее его не касается. У него, диспетчера, проблемы со слухом. И со зрением. И с памятью. Вот, отвернулся – и уже не помнит, чтобы сюда кто-либо заходил.

- Или, – выдавил Крисп.

Он кашлянул, прочищая предательское горло, и закончил вполне официально:

- Пройдемте в мой кабинет, *алам* Яффе.

– У вас есть навыки аналитического мышления. Вы знаете *лашон-гематр*. Это упрощает задачу. Мы с вами придем к взаимопониманию. Вероятность – семьдесят три и четыре десятых процента.

Вот и гадай теперь, что это было: комплимент или умело замаскированная издёвка? Разрешить загадку Крисп не успел, потому что Яффе продолжил:

– Для разговора нам понадобится специфическое оборудование. Я распоряжусь его внести, если вы не возражаете.

- Что за оборудование?

Воображение отказало. Ничего, кроме системы многоуровневой конфидент-защиты, Криспу в голову не пришло.

- Сейчас увидите. Разумеется, вы вправе отказаться...

- Увижу, тогда и решу.

- Разумно, – кивнул Яффе.

Он коснулся сенсора на уникаме. Спустя десять секунд в двери медцентра всплыла антиграв-платформа. Гематр-сопровождающий развернулся и вышел, а Крисп, как безумный, уставился на платформу. На ней покоился... Нет, твердо сказал себе Крисп. Это не криогроб! Не гроб, и точка. Тем не менее, металлопластовая капсула неприятно напоминала последнее пристанище Эрлии. Матовый блеск покрытия, сглаженные обводы, сенсорная панель, смотровое окошко на крышке... И одно, зато существенное отличие: капсула была вдвое шире криогроба.

Семейный вариант?!

- Арт-трансвая ванна, – пояснил Яффе. – Двухместная.

- Мы будем снимать транс-фильм?!

- В некотором роде.

– Это интригует. Прошу за мной.

Крисп решительно двинулся вглубь здания, даже не оглянувшись, чтобы проверить, следует ли за ним Яффе с платформой. Следует! Куда он денется? Раз явился – значит, Бюро заинтересовано в контакте. «Вы знаете *лашон-гематр*...» Крисп не стал опровергать гостя, оправдываясь, что не знает языка гематров, зато когда-то, готовясь к факультативу, зазубрил сравнительную таблицу воинских званий помпилианцев, гематров и вехденов. Если гематры хотят о чем-то договориться, полезно выглядеть круче, чем ты есть. Говорить меньше, слушать в оба уха; включить аппаратуру на запись. Связаться с Октубераном? Нет, рано. Сперва нужно выяснить интерес гематров, что они предложат, чего потребуют взамен...

Крисп разблокировал дверь:

– Заходите. После вас...

Первой, повинаясь едва заметному толчку, в кабинет всплыла платформа с ванной. За ней вошел Яффе, и Крисп вновь заблокировал дверь изнутри, не поленившись установить три контура защиты. Теперь без его, Криспа, помощи, гематр отсюда не выйдет.

Прекрасно понимая, что делает молодой человек, Яффе не возражал. Опустив платформу на пол, он устроился в кресле, вручную выставил на подлокотной панели конфигурацию, откинулся на спинку и замер. Крисп уселся напротив, а с настройками возиться не стал: автокоррекция его вполне устраивала.

– Мне известно, как и отчего погибла ваша сотрудница. Но проблема намного серьезнее, чем гибель одного человека. Проблема настолько серьезна, что ваша раса не сумеет решить ее самостоятельно.

– Может, перейдем к сути? – как Крисп ни старался, скрыть неприязнь ему не удалось. – Вы явились сообщить важную информацию? Я вас слушаю.

В ответ гематр улыбнулся. Великий Космос! Крисп не поверил своим глазам: так мог бы улыбнуться кто угодно, но только не гематр!

– Я вижу, *интер-центурион* Вибий, что вас потрясла моя улыбка. Поверьте, та информация, которую я намерен сообщить, вызовет у вас куда большее потрясение. Устное или письменное изложение фактов в данном случае не годится. Ситуация критическая, я бы сказал, уникальная. Соответственно, требуются нетипичные методы разрешения. Мои расчеты говорят, что оптимальный вариант – совместный сеанс арт-транса. Решать проблему нам придется вместе: Великой Помпилии и расе Гематр. Нам предстоит долгое плотное сотрудничество. И начнем мы его прямо сейчас.

– Каким образом?

– Мы с вами постараемся отыскать решение, которое устроит обе наших расы и не приведет к катастрофе.

– Передача информации в арт-трансе?

– Да.

– Думаете, она потрясет меня меньше, чем при устном изложении?

Крисп понимал, что уже заглотил наживку, но ничего не мог с собой поделать. Алам все просчитал заранее, в том числе и его реакцию.

– Во время сеанса мы с вами будем находиться в общей транс-реальности. Мое присутствие сгладит эмоциональный фон на сорок семь с половиной процентов. Этого будет достаточно.

– И для этого вы устроили цирк с анонимным звонком о похищении? Если вы пришли ко мне, а не к моему... э-э... к моему сослуживцу – зачем надо было задерживать рейс? Я никуда лететь не собирался.

– Будет намного лучше для дела, если манипулярий Тумидус увезет с собой на Октуберан капсулы с плесенью *куим-сё*. Я имею в виду запись нашего совместного транса. Комплексное изложение ситуации, варианты ее развития и решение, приемлемое для обеих рас.

- Решение?
- Которое мы, надеюсь, выработаем.
- Вы собираетесь представлять всю расу Гематр?
- Да.
- А мне вы предлагаете стать представителем империи?

Произнося это, Крисп невольно привстал.

- Да, в этом суть моего предложения. Вижу, мы с вами сработаемся.

Гематр меня покупает, чуть не взвыл Крисп. Покупает с потрохами! Уже купил! Не в силах усидеть на месте, унтер-центурион заметался по кабинету из угла в угол. Тут какой-то подвох! Ловушка, подводный камень... Вряд ли алам – телепат, да и он, Крисп Сабин Вибий, не «выболтает» в арт-трансе имперских секретов. Что он такого особенного знает? И вообще, мы – птица не того полета, чтобы ради нас целый алам «Каф-Малаха» из штанов выпрыгивал...

Сойтись с гематрийским полковником в транс-реальности. Получить ответы на вопросы, грозящие выжечь мозг изнутри. Найти решение проблемы государственной важности... Не справлюсь, беззвучно вопил Крисп. Облажаюсь! Подведу всю расу!

– У меня есть свое видение ситуации, – Яффе дал молодому человеку время вволю порефлексировать. – Но мне нужен помпилианец с аналитическими навыками, чтобы спрогнозировать ситуацию от лица вашей расы. В одиночку ни вы, ни я не справимся.

Вот она, точка невозврата. Надо делать выбор.

- Фаг вас сожри! Я согласен!

- Я знал, что вы согласитесь.

Алам Яффе поднялся из кресла; коснулся сенсорной панели. С едва слышным шипением крышка раскололась надвое, обе ее половинки скользнули вниз вдоль бортов ванны, открывая взгляду малоаппетитное нутро – все в серо-желтых слизистых потеках плесени *куим-сё*. Плесень напоминала вкрадчиво шевелящиеся сопли.

Криспа чуть не стошнило.

Гематр невозмутимо стал раздеваться.

II

Арт-транс

(фрагмент записи)

Бездна Космоса мигает: сполохи дискотеки в ночном клубе. Меж танцующих светил и туманностей по ламинату гравитационных полей скользит гость, явившийся без приглашения, сгусток волновых сущностей, слитых воедино – коллант. Впереди со стремительностью люстры, падающей на головы публики, вырастает шар планеты. Он надвигается, бездна выворачивается наизнанку – толчок последнего ускорения, вспышка света...

Брызги перламутра в талой воде – небо, облака. Перламутр слипается, превращается в клочья кружевного белья. Над облачной грядой проступают ряды знаков и цифр. Складываются в объемные матрицы, колеблются, тают, возникают снова...

Холмистая степь. Ветер приносит запах полыни, гонит волны травы, треплет волосы, бьет в лицо, заставляя глаза слезиться. Все видится шаржированным, карикатурным, как мимика гематра, прошедшего спецподготовку. Все напоминает детскую анимацию, в том числе и люди.

Людей семеро. Коллант прибыл в пункт назначения, вернувшись в малые тела. Коллантarii оглядываются по сторонам – они кого-то ждут. Из-за ближайшего холма объявляются совсем не те, кого коллантarii рассчитывали увидеть. Семь помпилианцев: пятеро мужчин и две женщины.

На их лицах – равнодушие.

Коллантarii успевают понять, что это значит, но уйти в волну не успевают. Люди замирают друг напротив друга. Нет, не люди: рабовладельцы – напротив ботвы, которая сейчас обратится в рабов.

Мир цветет, становится монохромным, плоским. Странного вида перегородки пересекают его на части, превращают в пчелиные соты. Внутри каждой ячейки – шестеро. Полу-декурия близнецов-помпилианцев: доспехи, шлемы, мечи. И один-единешенек коллантарий, сам за себя. Сопротивление бесполезно. Участь ботвы – рабство. Так было, есть и пребудет вовеки.

Но что это?!

В руках у гематрийки мерцает электрическим светом многозвенный цеп. Поясная веревка веждена превращается в огненный бич. Вудун, рыча, пластает воздух кривым мечом. Бойцы смутно, на грани не фактов, но интуиции, похожи на Диего Пераль, учителя фехтования из варварского захолустья. Сходство – забавный нюанс совместной грезы, навязчивая идея, финт воображения кого-то из двух создателей этой псевдореальности, а может быть, обоих сразу. Диего Пераль, черт его дери, призрак, незримо присутствующий в ударах и защитах, атаках и отступлениях. Цеп, бич, меч...

Оружие у ботвы?!

Они сшибаются, сходятся, схватываются – в галлюцинативном комплексе, во всех ячейках мира, притворяющегося сотами. В низком небе полыхают белые молнии. Ветвятся, множатся, складываются в динамические диаграммы. На заднем плане – кавалерия несется на подмогу – скачут ряды цифр и бегут строки текста. Не стоит и пытаться прочесть: все равно не успеешь.

Люди сражаются. Не рабовладельцы и рабы – люди. Лязг метала. Крики ярости. Хрип умирающих. Кровь идет горлом, хлещет из ран. Где ты, равнодушие? И следа не осталось.

...это неправильно!

Да.

...так не бывает!

Да.

...это не клеймение!

Да, это не клеймение. Это битва, сражение, схватка – называй как хочешь.

...почему?

Потому что коллантarii. Даже поодиночке, под *шелухой*, в окружении волков Великой Помпилии – коллантarii. Они ходили в волну, они изменились. Новое качество, раз и навсегда.

Первый ход за мной, предупредил Яффе.

Он разделся догола. Крисп нервничал, отводил взгляд, хотя никогда не считал себя ханжой. Это для дела, твердил Крисп. Как на медосмотре. Что я, голых мужиков не видел?

В дебютной части трансa, сказал Яффе, я передам вам всю необходимую информацию в виде образного ряда с частичным эффектом присутствия. Она вас шокирует. Моя природа гематра, находясь в сенситивном контакте с вашей природой помпилианца, сгладит шок.

Вы говорили, буркнул Крисп. На сорок семь с половиной процентов. Пальцы дрожали, растягивая рубашку, Крисп оторвал верхнюю пуговицу.

Потрясение, сказал Яффе. Оно все равно будет сильным. Не вмешивайтесь, хорошо? Максимум – корректируйте общую картину для большей реалистичности. Но сквозной сюжет не трогайте. Иначе я не смогу сообщить вам все, что нужно.

Я понял, кивнул Крисп. Не перебивать вас, пока вы даете вводную.

Отлично, сказал Яффе. Я дам вам знать, когда наступит ваша очередь. Допустим, образ сломанной рапиры. Она сломалась и вновь срослась. Запомнили? С этого момента начинайте выдвигать свои варианты развития событий. Спорьте со мной, соглашайтесь, ищите компромисс; все, что угодно.

Алам полез в ванну. Он был неплохо сложен и крепок телом – для своих лет. От Криспа не укрылась аккуратность движений, точный расчет самой мелкой работы мышц и суставов. Гематр берег спину. Возрастное? Нет, Яффе выглядел кем угодно, но только не стариком. Последствия травмы, подумал Крисп. Травмы, которую до конца не компенсировала даже уникальная медицина Элула и Таммуза. Он побывал в серьезной переделке. Мне страшно даже представить, как его ломало.

Радуйтесь, сказал Яффе из ванны. Радуйтесь, что молоды, что у вас все еще впереди. Перспектива – это гораздо лучше, чем воспоминания. Извините, что затрагиваю личные темы, но у вас очень выразительное лицо.

Радуюсь, пробормотал Крисп. У меня все впереди. У меня впереди такое, что вам и не снилось; впереди и внизу. Надеюсь, под шикарнейшей перспективой вы не имеете в виду забавы в общей ванной. Если вы начнете болтать об этом где попало, я вас убью.

Арт-транс

(фрагмент записи)

Соты исчезают.

В небо медленно, с натугой возвращается голубой блеск. Ветер, степь. Люди. На ногах устоял лишь вехден в простецкой рубаше, подпоясанный веревкой. По изможденному лицу стекают крупные капли пота. Вехден качается под ветром, словно дерево в бурю, но стоит. Он так закусил губу, что борода слиплась от натекающей крови.

Вокруг стонут, шевелятся. Дергаются в эпилептическом припадке. Глаза закатились, сверкают белки без зрачков; пена изо рта. Кое-кто лежит без движения.

Трое не дышат.

Тощий, жилистый вудун с трудом встает на четвереньки. В обычной реальности у него нет меча, но вудун все еще рычит. Сверкают зубы, ослепительно-белые на фоне угольной, поседевшей кожи лица. От их вида пробирает дрожь.

– Что, взяли? Взяли?!

Фильм нуждается в дополнительном монтаже. Эмоции персонажей отстают от действий, которые по логике сюжета должны быть продиктованы этими эмоциями. Складывается впечатление, что драматург прописывает событийный ряд в виде конспекта, а его соавтор, мастер мотиваций, задним числом раскрашивает происходящее чувственностью, опаздывая на секунду-другую.

Зрителя такой разрыв свел бы с ума.

Юноша-помпилианец, считай, мальчик, тоже встает на четвереньки. Обликом он сходен с Криспом. Двое враждующих зверей уставились друг на друга. Вудун готовится к прыжку. Оскал делается шире, течет слюна. Вудун хочет драться. Где угодно: под *шелухой*, в реальном мире, мечом, голыми руками, зубами. Ему все равно.

Он коллантарий.

Он не ботва.

Это наша гематрийская разработка, сказал Яффе. Он ворочался, устраиваясь поудобнее в склизком месиве. Если вам так легче, представьте двух операторов за общим пультом. Мы будем грезить, моделируя развитие ситуации.

Крисп стащил трусы, бросил их на пол – и едва не взвыл в голос. Запись! Он включил запись, и сейчас бесстрастная аппаратура зафиксирует, как Крисп Сабин Вибий нагишом полезет в ванну, где его ждет Идан Яффе в чем мать родила.

И крышка закроется.

Сотру, поклялся Крисп. Сотру к чертовой матери все видео! Только звук оставлю. Трибунал? Отлично! Лучшие трибунал, чем вечный позор...

Я конструктор, сказал Яффе. Я с высокой точностью просчитываю вероятности, но у меня слабо развито образное мышление и визуализация. Тут вы в выигрыше. Для полноценной картины нужны мы оба: гематр и помпилианец, олицетворения высоких договаривающихся сторон, со свойственными каждой из наших рас особенностями мышления.

Крисп заставил себя подойти к ванне. Постоял, собираясь с духом. Высокая сторона? Он брезгливо коснулся плесени босой ногой. Против ожидания, субстанция оказалась приятной на ощупь – теплой и не скользкой, скорее уж бархатистой.

Прошу вас, сказал Яффе. От нас зависит очень многое.

С тяжким вздохом Крисп полез в ванну.

Арт-транс

(фрагмент записи)

Коллант, космос. Все как в первый раз. Но свечение колланта стало ярче. Спектр изменился, в нем пробились золото и пурпур. На вид коллант больше обычного, разбух женщиной на сносях.

Планета.

Толчок, вспышка...

Степь, холмы, небо в кружевах облаков. Людей не семь – девять. Уже знакомые коллантари, с ними – яйцеголовый дикарь и... Девятый оборачивается, и сомнения исчезают. Суровый варвар в черном – от шляпы до сапог. Борода, орлиный нос. Длинная рапира на боку.

Диего Пераль!

Пассажира.

Реальность сверху донизу заливают ненависть. Волчья, хищная, страстная ненависть, она настолько материальна, что ее можно резать ножом. Ненависть достигает апогея – и идет на спад, снижаясь до приемлемого уровня. Впору поверить, что творец, имея на то вескую причину, возненавидел пассажира со всей страстью господней, после чего вспомнил, кто он, и взял себя в руки.

Из-за холмов выходят помпилианцы. Их тоже девять. Мир выцветает, теряет краски, перегородки делят его на шестигранные пчелиные соты. Резкое приближение – объектив камеры ныряет в крайнюю ячейку. Что там? Диего Пераль обнажил клинок. Напротив сеньора Пералья...

Пятерка dospешных помпилианцев – контурные наброски. Вместо лиц – мутные пятна, как при камуфляжной иллюзии. Но творец, справившись с ненавистью, совладал с ней не до конца. Тонкая кисть прописывает детали, черты, узнаваемые подробности. Помпили-

анцы оборачиваются помпилианками. Обер-манипулярий Эрлия Ульпия настигла желанную добычу. Сейчас ботва, утратив имя, утратит и свободу.

Кисть трудится дальше, возможно, против воли творца ненавидящего.

Корка равнодушия на лицах Эрлий дает трещину. Из-под нее, новой кожей из-под струпа, блестит удивление. Ботва с рапирой? Строй рассыпается облавной дугой, варвар маневрирует. Металл звенит о металл, в ячейке становится тесно. Яростный вихрь не позволяет разобрать отдельных движений. Падает одна женщина, другая. Черный ворон мечется в ореоле сверкающих росчерков, парирует, разит...

Крик раскалывает небеса. Перегородки расточаются туманом под лучами солнца. Диего Пераль стоит над Эрлией Ульпией, лежащей ничком. Пальцы несчастной скребут землю, оставляют глубокие борозды. Сеньор Пераль смотрит в небо, и чудится – он вот-вот взлетит.

...больше не варвар. Не пассажир.

Коллантарий.

Вы когда-нибудь входили в арт-транс, спросил Яффе

Нет, ответил Крисп. А вы?

Один раз. Когда испытывали эту ванну.

И как?

Технически – ничего сложного. Конечно, мы с вами не трансеры-профи, но мы и не собираемся составлять конкуренцию Монтелье.

Крисп старался не подать виду, насколько болезненным оказалось для него напоминание о Монтелье. Наверняка алам неспроста помянул знаменитого режиссера-телемата. Иногда злость идет на пользу делу. Если Яффе рассчитывал на это – расчет гематра оправдался. Со злостью у Криспа было все в порядке, хоть отбавляй.

Нам не нужен художественный фильм, сказал Яффе. Нам понадобится развернутая демонстрация с вариантами развития событий и итоговым выбором оптимального. У нас получится. Вероятность – шестьдесят девять и три десятых процента. Готовы?

Готов.

Внутри ванны тоже имелась сенсорная панель. Длинные пальцы алама пробежались по сенсорам, и крышка закрылась. Закройте глаза, сказал Яффе. Закройте глаза и расслабьтесь.

Если, подумал Крисп, он добавит «...и получайте удовольствие», я его задушу.

Арт-транс

(фрагмент записи)

«Пассажирские коллант-туры! Трансгалактические круизы в большом теле! Один рейс, и вы – коллантарий! Бесплатный бонус – защита от клеймения!..»

Мелькают рекламные слоганы. Они повсюду: в вирте, в голосферах визоров, на улицах, в ночном небе. Им вторят, захлебываясь от восторга, голоса дикторов и комментаторов. Километровые очереди в коллант-центры. Экзальтация толп, калейдоскоп ток-шоу, экспертные оценки «круглых столов». Спорят политики, экономисты, физики, социологи. Меняются ораторы, но тема одна: пассажирские колланты. Коллантарием может стать каждый! Коллантарий способен противостоять клеймению! Новая эра! прорыв! сенсация тысячелетия...

Великая Помпилия окаменела. Волки смотрят на ликующую добычу. Волки видят оживший кошмар. У овец отрастают клыки и когти, под курчавым руном гуляют литые мускулы, в глазах загорается хищный огонь, который волки видели множество раз – по утрам, в зеркале.

Привычный мир рухнул.

Каким будет новый? И позволят ли ему волки – быть?

В сфере возникает варвар в черном. Ведущий задает ему какой-то вопрос. Слов не слышно из-за рева толпы. Диего Пераль долго молчит. Рев спадает, превращается в шепот...

Тишина.

– Прежней Ойкумены больше нет, – произносит сеньор Пераль в мертвой тишине. В руках маэстро возникает рапира. – Она сломалась, как этот клинок...

Со странным выражением на лице – отчаяние? радость?! – он ломает свою рапиру. Смотрит на окровавленную ладонь. На обломки, зажатые в пальцах. Обломки оживают, изгибаются стальными змеями, тянутся друг к другу...

Срастаются.

...образ сломанной рапиры. Она сломалась и вновь срослась. Запомнили? С этого момента начинайте выдвигать свои варианты развития событий...

Арт-транс

(фрагмент записи)

Закрытое заседание Сената Великой Помпилии. Никаких трансляций, вспышек камер, аншлагов в ложе для прессы. Кто держит речь, неясно: на трибуне мультяшная фигура без лица. Усиленный акуст-линзами голос гремит под сводами зала. Он превращается в змеиное шипение, ползет меж креслами; вновь взмывает к потолку, расслаиваясь на целую ораторию:

- Угроза расовой безопасности!
- Угроза самому существованию нашей расы!
- ...самые жесткие и решительные меры!
- Нельзя допустить...

Картинка блекнет, колеблется. Кажется, что съемка ведется сквозь толщу воды. Поверх изображения бегут строки текста:

«...В течение десяти календарных дней с момента опубликования сего Указа отозвать всех действующих коллантариев-помпилианцев на планеты Великой Помпилии...

Запретить всем гражданам империи выход в большое (волновое) тело в составе колланта в любом качестве без специального разрешения Сената. За нарушение данного положения настоящего Указа устанавливается наказание в виде смертной казни через публичную аннигиляцию с полной конфискацией имущества и поражением в правах всех ближайших родственников (см. Приложение 1 к настоящему Указу)...

Установить строжайший контроль за всеми владельцами аслан (т. н. «тузиков»), с применением технических средств слежения (спец-имплантантов) и еженедельной отчетностью о состоянии всех рабов, принадлежащих означенным лицам...»

Тысячи сообщений летят во все концы Ойкумены. Текст Указа за номером... Он повсюду – в визорах, в лентах новостей. Указ падает в вирт – град булыжников в застоявшееся болото. Идут круги, превращаются в волны, встают девятым валом. Болото? – штормовой океан. Миллионы гневных откликов:

- Сдохните, рабохваты!
- Ни себе, ни людям!
- Даешь колланты!
- Волки позорные! Мочить!
- Куда смотрит Совет Лиги?!

– Санкции! Даешь санкции!

– Надо их заставить!..

Демонстрации протеста. В небе полыхают лозунги: «Санкции! Эмбарго! Запрет на поставки альтернативных энергоносителей! Блокада помпилианских планет!» Ярость толп выхлестывается на улицы. Горят посольства и консульства Помпилии: Тир, Фравардин, Китта, Пхальгуна... Империя шлет ноты протеста. Власти приносят официальные извинения, обещают компенсировать ущерб. Полиция ищет виновных, но особо не усердствует.

Экстренные заседания правительств ведущих рас Ойкумены. Расширенное заседание Совета Галактической Лиги. Трансляция по всем каналам.

– ...указ Сената – внутреннее дело Великой Помпилии. Он касается только и исключительно граждан империи. Указ не нарушает ни один из законов Лиги. У Совета нет оснований...

– А я утверждаю, что одиозный указ ведет к ущемлению прав и свобод всех рас и народов Ойкумены! Через запрет своим гражданам участвовать в коллантах Помпилия лишает этой возможности представителей всех остальных рас. В случае, если Сенат не отменит этот указ, я требую...

– Это прямое вмешательство во внутренние дела нашей расы и нарушение Устава Лиги! Сенат уполномочил меня официально заявить: об отмене Указа не может быть и речи! В условиях неприкрытого и возмутительного шантажа со стороны...

– Я ставлю на голосование предлагаемый нашей расой пакет санкций...

– Вето!

– Вето!

– Вето!

– Вето!

Четыре «вето» при необходимых двух. Помпилия и три формально независимых варварских мира: Каутли, Кемчуга и Халори. Решение о введении санкций против Великой Помпилии не принято.

«Но ведь Лига не может воспрепятствовать введению локальных санкций по собственной инициативе, верно? – вкрадчиво интересуется эксперт-ларгитасец, давая интервью «Вестнику прогресса». – Любая раса или независимая планета вправе...»

Раса Вудун. Раса Гематр. Раса Вехден. Раса Брамайн. Техноложцы Ларгитаса и Тилона, Бисанды и Сякко... Каждое название отзывается на периферии происходящего слабым лязгом. Это началось еще с объявления вето в Совете Лиги, а может, раньше, с указа Сената. Все, что ни происходит – дуэль, перезвон шпиг, спор на кончиках клинков, плетущих смертельно опасный узор, готовый в любую секунду взорваться убийственным выпадом. Ухо привыкает, перестает реагировать на звон и лязг. Лишь ритм, организованный так, что в нем нельзя обнаружить систему, действует на нервы, побуждает зрителя к действиям, вовлекает в происходящее.

Поперек всего возникает недавнее заседание Сената. Мультяшная фигура без лица обретает лицо. Крисп Сабин Вибий, уместный на трибуне не более, чем, скажем, конь в первых рядах сенаторов, наклоняется вперед:

– Моя вина! Моя величайшая вина! Я слишком быстро поверил, что Диего Пераль – телепат. Я придумал эту версию, поднял ее на щит, принял как основную. Сейчас я понимаю: причина моей легковёрности – вовсе не история с Монтелье. Да, телепат прервал обер-манипулярия Ульпию во время клеймения. И вот, напрашивается: телепат сразился с помпилианкой... Такая версия не унижала мою расу. Телепат-соперник – это нормально, это не стыдно. Я должен был додуматься до соперника-колланта. Моя вина!

Крисп долго молчит. Взмахом руки стирает Сенат, обращается к невидимому собеседнику, словно актер в разгар съемок эпизода – к режиссеру:

– Извините. Я не до конца контролирую...

Он исчезает.

Возвращается ведущий: «Любая раса вправе...» Раса Вудун. Раса Гематр. Раса Вехден. Раса Брамайн...

...Спорьте со мной, соглашайтесь, ищите компромисс; все, что угодно!

Арт-транс

(фрагмент записи)

Корабль, идущий в гиперре, нельзя увидеть или засечь приборами. Он отсутствует в обычном континууме. Но сейчас черноту просторов космоса исчертили флуоресцентные линии – траектории грузовых звездолетов. Линии уходят к Квинтилису, Октуберану, Юниусу, к перевалочным станциям, расположенным между созвездьями Волчицы и Семи Холмов.

Ларгитасский хай-тек. Сверхъемкие аккумуляторы, заряженные под завязку. Реакторы с повышенным КПД. Комплектующие для энергоустановок. Полиморфные нанополимеры. Грузовозы прибывают и убывают. За сотни парсеков отсюда другие корабли садятся на Каутли, Халори, Тараис, Ассомпту-2 – и вскоре стартуют, увозя в трюмах...

О, им есть, что везти!

– Так вы говорите, санкции? – спрашивают за кадром. Диалог похож на монолог: ответы второго собеседника не слышны, но подразумеваются. – Эмбарго? Блокада? Расовая солидарность? А мы скажем: бизнес. Урановая руда. Титано-магниева. Иридий с молибденом. У Великой Помпилии концессии по всей Ойкумене. Если в обмен на кое-какую технику империя готова поделиться ценным сырьем – глупо было бы этим не воспользоваться. Нарушаем? Извините, уважаемый. Мы действуем строго в правовом поле. Совет Лиги санкции не вводил, а что до остальных, так наша компания зарегистрирована на Террафиме. Террафима «технологический пакт» не подписывала – варвары, сами понимаете. Ну какие на Террафиме технологии? Кстати, вам известно, что Помпилия производит отличное оружие? Современное, высокоточное, большой энергетической мощности... Помилуйте! Мы никому не угрожаем! Оружие – это товар. Ходовой товар, смею заметить. Не желаете приобрести партию батарейных плазматоров? Спецификация, ТТХ...

Голос превращается в невнятный бубнеж. Бегут строки, сквозь них прорастают чернолаковые тюльпаны РПТ-маневров. Потирают руки юристы – полки, дивизии, армии юристов! – регистрируя новые торговые и посреднические компании. Контрабанда расцветает махровой сиренью. Патрульные корветы Лиги не справляются, к ним подключаются спецподразделения ВКС Ларгитаса и гематров...

Ойкумена покрывается сеткой трещин. Превращается в мозаику, в фасеточный глаз стрекозы – и в каждом фрагменте творится отдельное действие.

Застыли на космодроме ряды гигантских «таблеток»: тилонские рудовозы простаивают. Помпилия прекратила продажу руды всем, кто ввел против нее санкции. Меряет шагами каюту «люкс» смуглый детина в шортах. Зверь в клетке – Гырдын Лявтылевал, представитель Кемчуги в Совете Лиги. Он возвращается на родину. Кемчуга официально вышла из Лиги. Гырдын не хочет домой, к соплеменникам-людоедам. Он всерьез подумывает сбежать с корабля во время промежуточной посадки на Бисанде. Побег срывается: на Бисанде волнения. Время лозунгов сменилось временем грабежей и погромов. Сняв полицейские кордоны, толпа затапливает ступени здания Парламента. С крыши взлетают правительственные аэромобили, спасая

народных избранников. Вслед им истошно визжит импульсник, но машины уходят, растворяются в вечернем небе.

Галактическую Лигу покидают еще семь независимых планет. Бисанда, под давлением протестующих, возобновляет торговые отношения с Помпилией. На Хиззаце ужесточают иммиграционное законодательство: власти захлебываются в потоке беженцев. Провал путча на Тилоне. Публичная казнь главарей. Ожесточенные дебаты политиков и социологов по всем каналам. К радости зрителей, дело доходит до мордобоя в прямом эфире.

– Необходимо ужесточить санкции! Мы принудим Помпилию отказаться...

– Санкции бьют рикошетом по всем расам Ойкумены! В особенности – по независимым планетам, чья экономика интегрирована...

– По прогнозам экспертов, империя продержится не больше пяти лет. Без новых рабов и альтернативных источников энергии Помпилию ждет производственный коллапс. Объединив усилия, мы сможем ускорить этот процесс...

– Эти пять лет переживут Ларгитас и гематры! Рушится сеть межпланетной интеграции, экономические связи...

– Совет Лиги активно работает над реинтеграцией сети, диверсификацией поставок...

– В системе замечены корабли-разведчики Великой Помпилии! Мы не станем ждать, пока нам на головы свалятся либурнарии! Мы не рабы!

– ВКС Лиги...

– ВКС Лиги утратили контроль над ситуацией!..

В пене истерической вакханалии – Адольф Штильнер. Борода всклокочена, седые волосы растрепаны – профессора подняли с кровати среди ночи.

– Опомнитесь! Санкции, эмбарго... У нас отбирают будущее! Великое будущее Ойкумены! Коллективные антисы, волновое Человечество – нас обокрали, лишили надежды. Забили мозги вселенским бардаком! Вспомните, ради чего все это!

Профессор жадно пьет воду из стакана.

– Будущее, – бормочет он. – Черт вас дери с вашей грызней! Я прошу, я умоляю...

Призыв Штильнера – глас вопиющего в пустыне. Разведчиков Великой Помпилии фиксируют еще в семи планетных системах. ВКС Лиги приводят в повышенную боевую готовность. Ведущие расы Ойкумены расконсервируют станции планетарных поясов обороны. Со спутниковых баз стартуют флоты гематров, вудунов, вехденов, брамайнов, Ларгитаса. На границах Волчицы и Семи Холмов разворачивается имперская армада. Ощетинившись стволами батареинных плазматоров, аннигиляционных пушек и межфазников, корабли рабовладельцев занимают позиции. Одному дьяволу известно, откуда в космосе появляется ангел. Звезды меркнут рядом с крылатым вестником.

Ангел готов затрубить в трубу.

... решение, которое устроит обе наши расы и не приведет к катастрофе...

Арт-транс

(фрагмент записи)

Эскадры замирают на исходных позициях. Останавливаются планеты на своих орбитах, политики в визорах, люди на улицах. Секунда, другая, и Ойкумена движется вспять. Дюзамы вперед звездолеты ныряют обратно в гипер. Схлопываются тюльпаны РПТ-маневров. Время дало задний ход и ускоряет бег. В мельтешении уже ничего не разобрать...

Стоп-кадр.

«Пассажирские коллант-туры! Трансгалактические круизы в большом теле! Один рейс, и вы – коллантарий!...»

И ни слова о сопротивлении клеймению.

Мелькают рекламные слоганы. Им вторят, захлебываясь от восторга, голоса дикторов и комментаторов. Километровые очереди в коллант-центры...

На Октуберан уходит доклад: обер-манипулярий Ульпия погибла при попытке клеймения латентного телепата, клеймение спровоцировало инициацию объекта. Секрет пассажирского колланта раскрыт. Теперь у Великой Помпилии есть все шансы обойти конкурентов и стать лидером в зарождающейся коллант-индустрии.

– Сокрытие стратегически важной информации, – произносит за кадром голос мертвой Эрлии. – Сотрудничество с гематрийской спецслужбой. Измена Родине. Потенциальный подрыв энергетики и экономики Великой Помпилии. Трибунал и смертная казнь.

– Да, – отвечают Крисп Сабин Вибий и Марк Кай Тумидус. – Мы знаем, на что идем, утаивая правду от руководства. Мы не предатели. Если это единственный способ спасти свою расу от блокады, изоляции и в итоге самоубийственной войны против всей Ойкумены, мы готовы пожертвовать собой ради империи. Даже сотен тысяч коллантов не хватит, чтобы пропустить через них сотни миллиардов обитателей Ойкумены. Ни за год, ни за десять, ни за тысячу лет. Без помпилианца-координатора коллективный антис останется кучкой белковых тел. Хищники необходимы, а рабовладельцам нужны рабы. Другим расам придется с этим смириться, как мирились до сих пор. Откупиться десятком-другим дикарских планет, установить квоты. Помпилия выиграет время для договоренностей и компромиссов...

В космосе загораются живые искорки. Множатся роем светлячков, исчезают, опускаясь на планеты, возникают снова. Волновая жизнь наполняет Галактику, шарахаются прочь фаги, уступая дорогу новым хозяевам звездных путей. Коллант-центры и турагентства растут, как грибы после дождя. Дождь не прекращается – финансовый дождь. Цифры в бухгалтерских отчетах и налоговых декларациях отращивают длинные хвосты, лоснятся жирными нулями.

Министр экономики Великой Помпилии докладывает Сенату:

– ...коллант-индустрия превратилась в существенную статью дохода бюджета. Наблюдаемая тенденция к экспоненциальному росту позволяет прогнозировать...

Расплывается в улыбке лицо министра – того и гляди, треснет от радости! Контрапунктом – лицо обер-манипулярия Мафенаса, мрачней тучи. В сфере перед начальником аналитического отдела ЦУСБ Помпилии на Октуберане – сплошной некролог:

«...погиб при попытке клеймения...»

«...обширный геморрагический инсульт, отягощенный...»

«...доставлен в реанимацию, состояние стабильно-тяжелое...»

«...придя в сознание, сообщил, что пытался заклеить вудуна...»

«...пытался заклеить гематра...»

«...заклеить ларгитасца...»

«...варвара...»

«...брамайна...»

Перед глазами Мафенаса возникает криогроб с телом Эрлии Ульпии. «Варвар оказался латентным телепатом, – бормочет Мафенас. – Они что, все телепаты? Ерунда, бессмыслица... Должна быть закономерность! Нечто общее у всех этих... этих...»

Он активизирует линию внутренней спецсвязи.

Аналитический отдел поднят по тревоге. Прокручиваются массивы информации. Стрелочек белковые процессоры, мигают индикаторы – системы работают на пределе.

– Есть! Есть закономерность! – из уника рвется чей-то вопль. – Они... ботва... Они все были коллантариями! Все, поголовно!

Речь аналитика ускоряется, пронзительный визг уходит в ультразвук. Картина смазывается, галопом несется в будущее. Толпы на улицах, указы, резолюции, ультиматумы, орбитальные боевые станции, корабли, стартующие с военных баз...

Стоп-кадр.

Эскадры на исходных позициях. Сквозь боевые порядки проступает картина: площадь Нумы-Триумфатора перед зданием Сената. На помосте – двое приговоренных: Крисп Сабин Вибий и Марк Кай Тумидус.

– За измену Родине... – гремит над площадью.

Преступники исчезают в ослепительной вспышке аннигилятора. Миг, и Ойкумену от края до края озаряет залп космических армад.

Сгорают в атмосфере станции орбитальной обороны, сбитые огнем штурмовых эскадр. Грависнаряды плющат и корежат боевые корветы Ларгитаса, как жестянки из-под пива. Белоголубой шар миниатюрной сверхновой вспухает на месте помпилианской либуры. Звено волновых истребителей сопровождения сгорает мотыльками в пламени исполинской свечи. Плы- вут в космосе развороченные останки кораблей и ледышки мертвых тел.

Полыхают грозowymi зарницами небеса над Тиром, Киттой, Элулом, Пхальгуной, Ларгитасом, Тилоном, Маем, Фебруаром. Наземные ПКО изнемогают. На планеты валится огненный дождь: криогенные бомбы, ракеты с термоядерной начинкой. Когерентные лучи вспарывают города, десантные боты взрываются в воздухе, но большинство достигает поверхности. Ордами муравьев растекаются по округе штурмовики, закованные в силовую броню.

Пылевые облака плывут вокруг звезд, немых от ужаса. Еще недавно здесь вращались процветающие миры: Нисан, Магха, Оуанга, Абан, Хордад, Юниус. Миллиарды жизней... Кварковые торпеды беспощадны, после них на орбите остается лишь пыль, пыль, пыль, как от солдатских сапог на марше. Крейсера-торпедоносцы уже на подходе к новым целям: Тишри, Ларгитас, Бисанда, Фравардин, Унгана, Чайтра, Октуберан, Квинтилис.

Торпед хватит на всех.

...будем грезить, моделируя развитие ситуации.

...развернутая демонстрация с вариантами развития событий и итоговым выбором оптимального. У нас получится. Вероятность – шестьдесят девять и три десятых процента...

Арт-транс

(фрагмент записи)

Сечень. Зима.

Медцентр представительства Великой Помпилии.

Подвальное помещение, композитная дверь надежно заперта изнутри. На крышке двухместной ванны загорается зеленый индикатор. Крышка трескается посередине, ее половинки скользят вниз вдоль бортов. Из ванны восстают двое живых мертвецов – синевато-желтушных, в потеках плесени *куим-сё*.

– Да, теперь я понимаю. Поиск решения нельзя было откладывать...

Голый или одетый, Крисп больше не стесняется. Из ящика двухтумбового стола он извлекает сигару, прикуривает, с наслаждением выпускает в потолок струю сизого дыма.

– Расчеты показывали: один на один легче прийти к взаимопониманию...

Гематр устраивается в кресле, пачкая его плесенью, забрасывает ногу за ногу. Плеватель хотел Яффе на регулировки кресла и свою больную спину. Кресло под аламом недовольно шевелится.

– Один на один, – повторяет Крисп.

– Да.

– Так, словно в Ойкумене никого нет, кроме гематров и помпилианцев?

– Да, так.

Стены растворяются. Исчезают ванна, стол. Остаются гематр и помпилианец, нагие как при рождении, с глазу на глаз в черной бездне космоса. Софиты звезд высвечивают двух исполинов. Далеко-далеко, на окраине бытия, скучает ангел с трубой. Он бы затрубил, да рот ангела заклеен липкой лентой.

– Ойкумена ничего не узнает о пассажирских коллантах.

– Согласен. Их не существует.

Рой светлячков гаснет во тьме. Мрака во Вселенной становится чуточку больше.

– Ойкумена не узнает о том, что коллантарий может противостоять клеймению.

– Разумеется.

– Коллант-программа империи продолжится.

Редкие искорки снуют меж планетами. Сопровождают корабли, охраняя от фагов, летят куда-то по делам. Количество искорок растет – медленно, очень медленно. Света это не прибавляет.

– Раса Гематр будет в ней участвовать. В том числе и неофициально.

– Колланты, которых нет.

– Только для особых, очень нужных пассажиров.

– Пассажиры – гематры, и никто другой?

– Да. Никто другой.

– Квоты, – Крисп выдыхает целую очередь дымных колец. Достигая алама, каждое кольцо распадается на двадцать призраков: декурия помпилианцев с десятью яйцеголовыми дикарями на поводках. Призраки опускаются в подставленную ладонь гематра. По мановению другой руки вокруг Яффе возникают звездные системы с планетами гематров.

Тишри, Элул, Нисан, Таммуз...

Яффе стряхивает коллантариев на планеты, словно капли с ладони. Меж шариками, окутанными дымкой атмосфер, начинается роение светлячков. Они крупнее тех, что сопровождают корабли; в их мерцании – отблески золота и пурпура.

– Секретные перевозки?

– Неприкосновенность. Уверенность. Почет. Статус.

– Рычаг давления в руках вашего Бюро. Поддержка «Каф-Малаха» высшими слоями гематрийского общества.

– Да.

– А сохранение тайны?

– Вам исключительно повезло, что вашими партнерами оказались мы. Гематры – единственная раса, которая может гарантировать сохранение тайны.

– Понимаю. Гематр не проговорится случайно.

– Еще мы хорошо считаем. Выгоды и убытки – в том числе. В случае разглашения никакие выгоды не компенсируют проблем для отступника.

– А как же почет и статус? Их-то не спрячешь! Иначе зачем они вообще нужны?

– Почетный знак коллантария. Он будет у всех, кто хоть раз выходил в большое тело. Но лишь посвященные будут знать, что он на самом деле означает.

Крисп в задумчивости трет лоб. Лицо его проясняется. На фоне лица гиганта Вселенная кажется особенно темной.

– Биоимплантант с кодированной пси-аурой. Такой не подделаешь. Специальный центр...

Он выдергивает из космоса планету, словно редиску, за хвост. Планета оборачивается зданием Центра Почета. Туда уже выстроилась очередь коллантариев. Слышны обрывки реплик:

- Ну, во-первых, это круто!
- Герои Ойкумены, наше будущее...
- Про скидку для коллантариев слышал?
- Что, правда?
- Туризм – двадцать процентов!
- ...VIP-зона – бесплатно...
- VIP-зона? Фигня! Знаешь, как девки на нашего брата западают?
- «Ты со знаком? Встала раком...»
- Девки, скидки... Вы поправку к помпилианскому закону читали?
- Какую поправку?

Диктор зачитывает приятным баритоном:

– ...также гражданам империи запрещается брать в рабство участников коллантов любой расовой принадлежности. Нарушение данного пункта влечет за собой уголовное наказание в виде каторжных работ сроком на двадцать лет по унифицированному летоисчислению...

Жестом Яффе стирает диктора в порошок.

– Колланты, – соглашается алам, – гордость, реноме и статья дохода империи. Логичный шаг – обезопасить всех без исключения коллантариев от возможных посягательств. Прямая и косвенная экономическая выгода. Рост имиджа Великой Помпилии на семнадцать с половиной процентов.

– При таких бонусах коллантарии за знаками бегом побегут! От наших мы их обезопасим... Вернее, наших от них. Только в коллант-центры народ тоже ломанется...

- Существуют тесты, процедура отсева...
- Ладно, – говорит помпилианец. – Справимся как-нибудь.
- Справимся, – кивает гематр.

В руке Яффе возникает влажная губка. Алам стирает Ойкумену со всеми ее звездами, планетами и туманностями. Мрак выцветает, бледнеет, теряет глубину. Но прежде, чем Ойкумена исчезнет окончательно, унтер-центурион Вибий произносит:

– Никакую тайну нельзя хранить вечно...

В голосе Криспа звучит труба – кажется, что ангел все-таки трубит, даже с заклеенным ртом.

III

Он мылся, как никогда в жизни.

Душевая в центре, куда их отвел молчаливый – его счастье! – медбрат, была истинно сеченской: чисто, но бедно. Великой Помпилией тут и не пахло, а пахло хлоркой, дезинфекцией, цветочным освежителем воздуха и чуть-чуть канализацией: барахлил затвор слива, что ли? Крисп разделся догола, если и удивляясь, так тому, что не испытывает ни малейшего стеснения, встал под ближайший душ, пустил воду и с минуту стоял под холодными, черт их дери, струями, чувствуя, как вода постепенно нагревается. Потом вслепую, не открывая глаз, нашарил мочалку и мыло.

И приступил.

Крисп Сабин Вибий хотел содрать с себя кожу. Невыносимо, думал он. Я невыносимо, чудовищно грязен. Воспоминания о совместном арт-трансе прилипли к телу, въелись в кожу,

оскверняя молодого унтер-центуриона самим фактом своего существования. Плесень, теснота, мужское тело, лежащее рядом – ерунда. Главное, это память об унижении империи, о смертельно опасных трещинах в фундаменте бытия – овцы с клыками, беззубые волки, поиск компромиссов, финт, угроза, отступление, атака, снова финт, и все ради чего? – лишь бы выгрызть, вырвать с мясом не победу, не сладостный триумф, но шаткое, ущербное равновесие.

Сеанс заплесневелой аналитики занял около двадцати минут. Выбравшись из ванной, Крисп тупо смотрел на часовой браслет-татуировку. Он готов был поклясться, что провел в грезах часов шесть, если не больше. Умер, воскрес, снова умер, целую жизнь разобрал по винтикам. Двадцать минут, надо же...

– Я скоро уйду, – сказал Яффе.

Он мылся в соседнем боксе. От Криспа гематра отделяла тонкая стенка, облицованная зеленой плиткой. Ударь кулаком – сломается.

– Возьмите образцы плесени: капсулы для хранения лежат в отделении под матовым козырьком. Автопломбировка, девять степеней защиты. Три капсулы я уже наполнил, они в кармане моего пальто. Еще три вы должны отправить на Октуберан, вашему начальству. Желательно курьером: время не ждет. Мой контактный номер возьмите у дежурного: я оставил.

– Почему дежурный? Почему вы не сбросили номер на мой уникон?

– Я не знал, кто выйдет ко мне. Говоря откровенно, вас я не ждал. Сейчас я рад, что моим партнером по арт-трансу оказались именно вы.

– Рад? Скажите лучше: я рассчитал сорок бочек арестантов! Вы, любезный господин Вибий, подходите мне на хрен целых триста десятых процентов! Анонимный звонок в полицию – ваша работа? Вы хотели, чтобы мой... э-э... мой шеф...

– Марк Кай Тумидус, – уточнил Яффе, давая понять, что экивоки ни к чему. – Манипулярий Тумидус, племянник военного трибуна Тумидуса.

– ...задержался на Сечене? Чтобы он увез с собой образцы плесени, как базу для переговоров? Шутка в духе гематров – племянник военного трибуна в качестве курьера!

– Остальную плесень уничтожьте, – спокойно продолжил Яффе. Он так четко артикулировал каждый звук, что журчание воды нисколько не мешало Криспу слышать алама. – Когда образцы будут помещены в капсулы, закройте крышку и дождитесь прерывистого сигнала. Затем приложите к сенсорам панели три пальца правой руки: указательный, средний и мизинец. Все содержимое ванны утилизируется без возможности восстановления.

– К каким сенсорам приложить пальцы?

– К любым. Пока мы грезил, с вас были сняты отпечатки пальцев. Программа уничтожения реагирует на комбинацию пальцев, а не на конкретные сенсоры. Ванну, если хотите, можете оставить себе. Подарить центру, продать, все, что угодно.

Отпечатки, подумал Крисп. Что еще сделала проклятая ванна за время сеанса? Нет, я не стану ее продавать. Я ее уничтожу, сожгу, расплавию до последнего винтика... Он вдруг сообразил, что мыло – хвойное, и ничего. Крисп с детства терпеть не мог запаха хвои. В сосновый лес – ни ногой. А сейчас – наплевать и растереть. Ну, хвоя, и что? Он ухмыльнулся, чувствуя, как вода затекает в рот. Стори дюжина обитаемых планет, говорила эта кривая ухмылка, и Крисп Сабин Вибий лишь плечами пожмет: ну, планеты, и что? Я сломался. Сломался, а потом сросся заново, как дурацкий клинок, придуманный Яффе в качестве сигнала. Мной опять можно драться.

Только ли драться?!

– Я вам признателен, – Яффе вышел из бокса. Он двигался с аккуратностью канатоходца, опасаясь поскользнуться на мокром полу. – Мы отлично сработались. Ваша эмоциональность отчасти передалась мне. Такое случается при совместном арт-трансе. Уверен, что у вас также улучшилось аналитическое мышление. Эффект пси-наложения: это ненадолго, часа два-три, и пройдет. Пользуйтесь, пока есть время.

Пользуюсь, кивнул Крисп. Он ударился лбом о плитку и тихонько засмеялся. В мозгу уже складывались кое-какие схемы, посылки ложились ступенями к выводам, оформлялись наброски будущих действий, звено за звеном. Стало ясно, почему мозг работает наилучшим образом, блокируя пагубное влияние чувств, не отвлекаясь на необходимость поддерживать беседу. Прообраз многопотокowego мышления гематров? Два-три часа? Спасибо, мы постараемся уложиться в срок...

Повернувшись к Криспу спиной, Яффе растирался полотенцем. В душевой было прохладно, кожа алама, бледная от природы, быстро краснела.

– Похожий взаимообмен, – речь Яффе осталась внятной и четкой, словно он не растирался, а стоял на сцене, – происходит в колланте, если коллантарии *слетались*, притерлись друг к другу. В большом теле – до четырех процентов; в малых телах, когда коллантарии собираются вместе – два с половиной, максимум, три процента. Коллантарии этого не замечают...

– Почему?

– Слишком мал процент. Только гематры способны засечь повышение эмоциональности на три-четыре процента, засечь и осознать причину изменений. Считайте, что эту информацию я дарю вам безвозмездно, в знак благодарности.

Крисп сел на скамейку, бессмысленно мазнул полотенцем по колену. Желание содрать кожу исчезло без следа.

– Что вы потребуете от меня? – спросил он. – В знак ответной благодарности?

– Потребую? Я же сказал: безвозмездно. От вас я не потребую, а попрошу вернуть мне господина Пробуса вместе с его асланином. В качестве жеста доброй воли, как залог будущего сотрудничества. При открывшихся обстоятельствах вам больше не нужны наши коллантарии. Всю информацию о пассажирских коллантах вы получите от нас непосредственно.

– Я не решаю такие вопросы.

– Знаю. Вы просто передайте Марку Тумидусу мою просьбу.

– Зачем вам Пробус?

– Мы обещали этим людям защиту и высокооплачиваемую работу. Раса Гематр привыкла выполнять свои обещания.

– А если *наши* коллантарий не захочет возвращаться?

Яффе вернул полотенце на вешалку:

– Вы, вне сомнений, сумеете его переубедить. Нам предстоит решить куда более серьезные проблемы, а с этой вы справитесь шутя. Вероятность – девяносто восемь и семь десятых процента. В конце концов, информация, которую я вам предоставил авансом, стоит тысяч таких, как Пробус и Якатель. Согласны?

Он дал обещание, понял Крисп. Лично он, а не раса Гематр. Он пообещал кому-то, кто раньше курировал пассажирские колланты, заботиться об этих людях. Отставной куратор – нет, он не из спецслужб. Криминал? Вряд ли, на чистом криминале дело быстро сорвалось бы в штопор. Скорее делец, магнат, финансист, мастер балансировать в серой зоне, делать золото из грязи. Гематр, как и Яффе. Алам перехватил контроль над коллантами – а ведь их больше одного! Два? Три?! – взамен же посулил дельцу сохранение прибылей. Забота о коллантариях – Яффе воспринимает это как обязательство. Он будет вытаскивать Пробуса с Якатлем из наших когтей, спасать, прикрывать со всей гематрийской обязательностью. Официально он ничего не может нам предъявить: по законам империи Пробус – преступник, нарушитель указа. Яффе убежден, что из страха Пробус будет сотрудничать с нами, отрицать свое похищение, клясться в вечной любви к родине, Сенату, Марку Тумидусу лично – тем более его надо спасать, потому что сам он не спасется. Но гарантии, выданные таинственному магнату – не единственная причина, по которой Яффе желает вернуть сукина сына Пробуса. Есть что-то еще, о чем я не знаю, а он не скажет. Куратора колланта легко заменить, асланина – тоже... Другой куратор не впи-

шется в структуру исходного колланта? Исказит эту структуру? Сорвет Яффе далеко идущие планы?!

Думалось легко. Крючки входили в кольца, штырьки в пазы. Размышления о Пробусе не мешали выстраивать цепочку причин и следствий в совершенно другой области, изучать перспективы, чей черед придет в будущем. Спасибо, подумал Крисп. Большое, просто огромное спасибо. Теперь я понимаю, что значит три-четыре процента гематрийской логики. Честное слово, я огорчусь, когда эффект сойдет на нет. Я застрелюсь, не в силах жить клиническим идиотом. Великий Космос! А ведь Яффе не собирался делиться со мной информацией о взаимодействии! Он рассеян, он себя не вполне контролирует. Гематр, он пьян моей чувственностью, дурманом для холодного рассудка, он захмелел и сболтнул лишнего...

– Я передам вашу просьбу, – Крисп улыбнулся самым приятным образом. Получилось, как у гематра, что в данном случае играло Криспу на руку. – Полагаю, вам пойдут навстречу. Заглядывайте, не стесняйтесь, как к себе домой. Я велю дежурному выписать вам пропуск. Если захотите принять еще одну ванну, я буду только рад.

Контрапункт

из пьесы Луиса Пералы «Колесницы судьбы»

Король:
(недоверчиво)

Два миллиарда подписей?

Лопес:

Клянусь!

Король:

Два миллиарда? Боже всемогущий!

Кардинал-советник:

Скорее, дьявол. Дьявольская гнусь!
В раю перетряси господни кущи,
Не соберешь и тысячи святых,
А тут миллиарды! Грешники, скоты...
Помянешь беса, глянешь – вот и он,
И имя, как известно, легион!

Лопес:

Святой отец, петиция в защиту
Поэта была выложена в вирт.
Сказал бы я, что с Ойкуменой флирт
Дал результаты. Кстати...

Кардинал-советник:

Трепещите!
Флирт с Ойкуменой? Бог вас не простит!

Лопес:

Да я-то что? Поэта бы спасти...

Король:

А что маркиз?

Лопес:

Кричит, что подписантов
Развесит на фонарных он столбах,
А коль столбов не хватит – знать, судьба
Остаток сволочей заслать десантом
На кладбище и выстроить в гробах
Для устрашения...

Король:

Всех? Без исключения?
Болезнь ужасна, но страшной леченье!
Пусть подписант ничтожен, как комар –
Два миллиарда подписей... Кошмар!
На этом фоне мы – зубастый чербер,
На этом фоне мы – сортир в раю...

Кардинал-советник:
(с энтузиазмом)

Давайте, я их отлучу от церкви!
Давайте, наложу епитимью!

Король:

Допустим, эти горе-легионы,
Источник наших бедствий и тревог,
Всем скопом прилетят к нам в Эскалону
И гаркнут: «Где поэт? Спасай его!»
Да мы оглохнем от такого шума,
Да мы от суеты сойдем с ума,
Да мы...

Кардинал-советник:

Утешить короля спешу я –
Пускай летят! У нас ведь есть тюрьма!

Король:

Вы идиот, хоть человек ученый –
Тюрьма на два миллиарда заключенных?

Лопес:
(в сторону)

Замечу, как большой знаток петиций –
Никто, конечно, к нам не прилетит,
Но пусть его величество боится,
Пускай теряет сон и аппетит.
Когда монарх от страха впал в маразм,
Поэт весомей в два миллиарда раз!

Глава третья

Дуэль с невидимкой

I

– Я вас убью, сеньор Пераль!

Маэстро вздохнул. Список убийц, жаждущих крови скромного эскалонца, только что пополнился Джессикой Штильнер. Высаживаясь из грузового аэротакси, расплачиваясь с водителем, доставая из багажника странный рюкзак, похожий на колесо, и цепляя его себе на спину, сеньорита Штильнер время от времени прерывалась, чтобы метнуть в Диего испепеляющий взгляд и рывкнуть:

– Убью, и не надейтесь!

– И не надеюсь, – Диего поклонился. Всю галантность, какой располагал сын el Monstruo de Naturaleza, он вложил в этот поклон. – Убивайте, я и пальцем не шевельну.

В окнах дома мелькали лица челяди. Бабы ахали, парни выясняли, за что им хвататься в первую очередь: за оружие или за кулебяку с налимьими печенками? По всему выходило, что кулебяка главней.

– Еще бы он шевелил! Мальчишка! Безответственный молокосос! Улететь к черту на рога, никого не предупредить... Мар Дахан с ума сошел от беспокойства!

Маэстро представил Эзру Дахана, сошедшего с ума. Затем представил беспокойство в исполнении старого гематра. Если это правда, подумал он, мне осталось только застрелиться.

– Вы хоть знаете, что вас хотят взять в рабство? Вы точно еще не раб?

– Надеюсь...

– Он надеется! Нет, вы только послушайте: он надеется! Если вы станете рабом, я вам этого никогда не прошу! Убью, честное слово, убью и закопаю, и надпись напишу...

– Какая сцена! – восхитился дон Фернан.

– Идите к черту, – буркнул Диего.

– Настоящая семейная сцена! Я вам завидую, клянусь! Сеньорита Штильнер, убейте и меня! – хохоча, дон Фернан загоразживал дорогу Антону Пшедерецкому, рвущемуся в бой, на первый план. – Я тоже безответственный! Боже правый, сеньор Штильнер! Вы поможете вашей сестре с массовым убийством?

Из салона такси выбрался Давид Штильнер. В отличие от возбужденной Джессики, он мерз, кутался в шарф, запахивал меховой воротник куртки. Сейчас никто бы не поверил, что эти двое – близнецы.

– Здравствуйте, господа, – сипло выдохнул молодой человек. – Вы не знаете, почему в местных такси не топят? Я продрог, как цуцик. Голиаф, вылезай! Побегай, что ли? Не хватало еще горло застудить...

Стало ясно, зачем понадобился грузовой отсек: для перевозки лигра. Голиаф степенно вылез наружу, огляделся и издал басовитый рык, намекнув округе, кто в доме хозяин. С горлом у лигра все было в порядке, зато бегать он не желал категорически. Если бы не понукания хозяина, Голиаф с удовольствием растянулся бы в снегу и закемарил еще на часок-другой.

– Борька! – взвыл с крыльца красавец Прохор, дурея от восторга. – Режь корову! Монстра прилетела, монстра ди натуралеза! Монстра голодная!

– Не надо корову! – испугался Давид.

– Надо! Ей-богу, коровы мало...

– Я сухого корма привез! Сейчас выгружу...

– Кто ж такую монстру, – не сдавался Прохор, – всухомятку держит? Изверг вы, барин, изверг и тиран! Борька, зараза, режь по-живому...

Три дня, подумал Диего. Три дня тишины, густо замешанной на нервах. Трое суток вечности, гори она в аду. Маэстро томился вынужденным бездействием, ожидание мелкими зубками выгрызало сердцевину души. После судьбоносного визита к профессору маэстро страдал бессонницей. Едва закрыв глаза, он видел ангела: страж с огненным мечом изгонял их с Карни из рая. Ну какой после этого сон?! А тут еще мар Яффе, вернувшись от помпилианцев живым и невредимым – Диего уже похоронил его в сердце своем, а не похоронил, так отдал в рабство! – не стал делиться с коллантариями итогами визита. «Анализировали, – сообщил алам. В его устах это звучало как издевательство. – Ждите, уже скоро.» Что скоро, чего ждать – добиться от гематра внятного ответа не удалось. «Каленым железом его! – предложил рыжий невропасть. – Под пытками заговорит!» И подбросил дров в печь. «Не заговорит, – возразил мар Фриш. – Вероятность девяносто шесть и пять десятых процента. Прогрейте мотор саней, ему пора ехать...» Действительно, по утрам Яффе заводил мотосани и уезжал к Штильнеру до глубокого вечера. Все сгорали от любопытства, стараясь выведать, о чем без свидетелей беседуют алам с профессором, но и здесь Яффе ограничивался сакраментальным: «Анализируем. Ждите, уже скоро.»

Спасибо рапире – Диего Пераль заполнял дни фехтованием. До изнеможения он упражнялся в атаках и отражениях, изобретая фантастические, немыслимые комбинации. Когда фантазия отказывала, маэстро посвящал часы простейшим действиям, можно сказать, азам, с каждым повторением увеличивая скорость и чистоту исполнения, до тех пор, пока тело отказывалось служить тирану-разуму. Пшедерецкий внимательно следил за упражнениями Перала, дал пару дельных советов, но себя в качестве партнера не предлагал. Диего был благодарен чемпиону за чуткость: скрести они клинки, и в разгар схватки из-за спины Пшедерецкого мог выглянуть дон Фернан, хитрая бестия, а в таком случае маэстро за себя не ручался.

Раз десять, если не больше, оставшись с Пералем наедине, дон Фернан – именно дон Фернан, ошибка исключалась! – затевал подозрительные разговоры. Мой дом – ваш дом, живите, сколько хотите, всей честной компанией, даже если меня нет, это ничего не значит, Прошка в курсе... «Вы собираетесь уехать?» – спрашивал Диего. Ему было легче вот так, напрямик, без экивоков. Дон Фернан отмалчивался, улыбался, прятался за Пшедерецкого, а тот переводил разговор на пустяки. Сказать по чести, маэстро раздражали кривые подходы: от нового маркиза де Кафельбро он ждал гадостей, и не без оснований.

– Я вас убью!

Джессика стояла перед ним: фурия, бритая наголо. Хоть бы шапку надела, простудится! Три дня от Китты до Сечения, сказал себе Диего. Не знаю, как она успела. Три дня бешеной скачки... Он уже и забыл, что не все меряют парсеки конским галопом.

– Я вас спасу, а потом убью! Пока я с вами, никто не возьмет вас в рабство! Поняли? Ни одна сволочь...

– Каким образом вы намерены меня спасти?

Вопрос получился резким, даже оскорбительным, но Диего было не до церемоний. Обидится? – тем лучше. Если маэстро чего и хотел, так только немедленного возвращения Джессики Штильнер обратно на Китту, в безопасное место. Иметь на своей совести двух покойниц – это слишком. Проще отяготить клячу-совесть одной незаслуженной обидой.

– Станете колоть помпилианцев шпагой? Резать кинжалом?

– Да уж спасу, не волнуйтесь!

Клапан рюкзака Джессики откинулся, словно его толкнули изнутри. Лишь сейчас Диего заметил, что на клапане отсутствуют замки, карабины – все, что могло бы пристегнуть клапан к бортам рюкзака. С тихим ужасом, превратившись в соляной столб, маэстро смотрел, как из недр «колеса» над головой Джессики восстает жуткая гадина, порождение сатаны.

Похоже, маэстро тоже не понравился исчадию ада – гадина раздула капюшон и грозно зашипела. Она поднималась и поднималась, пока не возвысилась над своей носительницей на добрый метр. Раскрылась слизистая пасть, сверкнули клыки – вне сомнений, ядовитые. Раздвоенный язык трепетал, пробуя воздух на вкус: все ли штаны уже мокрые?

– Антон Францевич, – Джессика погрозила Пшедерецкому кулаком. – Спрячьте шпагу в ножны! Эй, вы, управдом! Да-да, вы, с чубом! Уберите ружье! Здесь что, приют для умственно отсталых? Дамы и господа, разрешите представить: Юдифь, королевская кобра, гроза помпилианцев. В остальном – милейшая девочка, умница, красавица...

Умница зашипела громче: да, красавица, и что?

– Вот так всегда, – пожаловалась Джессика брату. – Сперва трясутся, потом закармливают до ожирения. Думаешь, чего я Юдифь в серпентарии держу? Тебе хорошо, у тебя млекопитающее. Никто не любит рептилий, одна я... Сеньор Пераль, мы теперь будем вас сопровождать. Я с Додиком, и Юдифь с Голиафом. Вы рады?

– Д-да...

Губы тряслись. Зубы стучали. Пальцы тянулись к рукояти рапиры. И вдруг все прошло, и страх, детский страх перед кошмаром из сна, и жажда крови, естественная при встрече со змеем, воплощением нечистого. Обвив Джессику быстрыми кольцами, кобра выскользнула из рюкзака на землю, прямо в снег, и на Диего Пералья снизошло ледяное спокойствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.